

18+

МОЙ ЛЮБИМЫЙ НЕГОДЯЙ

ЛИГА
ВЫДАЮЩИХСЯ
ЖЕНЩИН

ЭВИ ДАНМОР

«Электрическая химия, от которой можно упасть в обморок».
ШАНЕЛЬ КЛИТОН

Лига выдающихся женщин

Эви Данмор

Мой любимый негодяй

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Данмор Э.

Мой любимый негодяй / Э. Данмор — «Эксмо», 2020 — (Лига выдающихся женщин)

ISBN 978-5-04-172966-0

Харизматичные героини Эви Данмор возвращаются! Роман года по версии Publishers Weekly. Эви Данмор создала свой дебютный роман «Мой любимый герцог», вдохновленная волшебными пейзажами Оксфорда и страстью к романтике, интересом к судьбам женщинам с передовыми взглядами и викторианской эпохе. В обычной жизни она консультант в сфере дипломатии, имеет степень магистра, которую получила в Оксфорде. Эви Данмор является членом Британской ассоциации романтических прозаиков (RNA). Писательница живет в Берлине и свое увлечение Англией XIX века отражает в своих произведениях. Есть вещи, которые женщине свойственно делать лишь потому, что она женщина. Например, падать в обморок по любому ничтожному поводу. И есть вещи, которые делать женщине несвойственно лишь потому, что она женщина. Вероятно, женщина не может просто так взять и купить пятьдесят процентов акций издательского дома. Или может? Люси Тедбери – лидер суфражистского движения. Она давно поставила крест на личной жизни, а в лучшие подруги выбрала кошку Боудикку. Чтобы пролить свет на бесправное положение женщин, Люси с соратницами решаются взять под контроль работу крупнейшего лондонского издательства. Но идеальный план рушится, когда на их пути встает известный плут и ловелас, красавец лорд Баллентайн. Он готов отойти в сторону, если Люси проведет ночь (как не стыдно?) в его постели. Люси принимает предложение лорда, и в разгорающемся пламени страсти Тристан очень скоро понимает, что рискует попасть в свою же любовную ловушку. «Современный любовный роман в викторианском платье без корсета». – Эми Э. Райхерт «Эви Данмор – литературная сила, с которой нужно считаться». – Рэйчел Ван Дайкен

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-172966-0

© Данмор Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	61
Глава 12	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эви Данмор

Мой любимый негодяй

*Посвящается Брэду и Джуди, по-настоящему замечательным
людям, которые всегда выявляют во мне самое лучшее*

© Селифонова С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Бакингэмишпир, лето 1865 года

Юные леди не лежат плашмя на ковре за диваном в библиотеке и не играют сами с собой в шахматы. И не набивают рот леденцами до завтрака. Люси знала это прекрасно. Однако таких тоскливых летних каникул у нее еще не было: Томми явился домой из Итона самодовольным зазнайкой и больше не желал играть с девчонками, недавно появившаяся в семье кузина Сесиль плакала по любому поводу, а Люси в свои неполные тринадцать лет находила себя слишком молодой, чтобы умереть от скуки, как подобает приличной девушке. Хотя ее мама, вероятно, сочла бы такую смерть достаточно благородной. Впрочем, для графини Уиклифф почти все было бы предпочтительнее мальчишеских проделок дочери.

В библиотеке царила благоговейная тишина, а ноздри Люси щекотало от запаха кожи и пыли. Лучи утреннего солнца пролились на шахматную доску, и белая королева вспыхнула, подобно маяку. Королева находилась в опасности – коварный конь заманил ее в ловушку, и перед Ее Величеством теперь стоял выбор: либо пожертвовать собой ради короля, либо позволить ему пасть. Люси занесла кисть руки над блестящей короной из слоновой кости, не решаясь сделать ход.

Из холла донеслось эхо торопливых шагов.

Похоже на острые мамины каблуки. Но ведь мама обычно не бежит...

Дверь распахнулась.

– Как ты мог? Как ты мог?

Люси замерла. Мамин голос дрожал от негодования.

Дверь снова захлопнулась, причем с такой силой, что дрогнули стены.

– Прямо перед всеми, на балу...

– Ну и что? Тебя это так разозлило?

Люси ощутила пустоту в животе. Отец говорил тоном надменным и язвительным.

– Все знают. Одна я лежу дома больная и ни о чем не подозреваю!

– Боже правый! Это выше моего понимания – почему жена Рочестера называет себя твоей подругой? Кормит тебя сплетнями, а ты и распаляешься. Зря я вчера не отослал ее обратно; лишь такая сумасбродка могла заявиться в гости незваной.

– Она останется! – выкрикнула мама. – Она должна остаться как единственный честный человек в этом гадюшнике!

Отец расхохотался:

– Леди Рочестер – честная? А ты видела ее сына? Этого огненно-рыжего сорванца? Я бы поставил тысячу фунтов на то, что он не потомок Рочестеров!

– А как насчет тебя, Уиклифф? Сколько твоих отпрысков бежит по округе?

– Опять... Нельзя так падать, женщина.

Повисла пауза – тяжелая, как свинцовое одеяло.

Сердце Люси колотилось в груди гулко и болезненно; наверное, родители слышат его удары.

Тишина взорвалась рыданием. Люси словно ударили под дых. Мама плакала.

– Умоляю тебя, Томас! Что я сделала не так, если ты даже отказываешься считать меня здравомыслящей?

– Здравомыслящей? Да твой визг за несколько миль слышен!

– Я подарила тебе Томми, – заскулила мама сквозь рыдания. – Едва не умерла, производя его на свет, а ты выставлешь напоказ эту... эту особу...

– Боже праведный, дай мне терпение! За что ты наказал меня, послав в жены сварливую бабу?

– Я очень люблю тебя, Томас. Почему, ну почему ты не можешь любить меня?
Стон, полный раздражения.

– Я люблю тебя в достаточной мере, жена. Хотя, учитывая твои истерики, это настоящий подвиг.

– Почему? – причитала мама. – Почему я тебя не устраиваю?

– Потому что, дорогая, я мужчина. И пожалуйста, дай мне возможность спокойно отдохнуть у себя в библиотеке.

Молчание. Затем судорожный вздох, засвидетельствовавший капитуляцию.

Снова с шумом хлопнула тяжелая дверь. Грохот ударил Люси по ушам. Леденцы застряли в горле; придется дышать через рот. Однако тогда ее услышит отец.

Нужно задержать дыхание. Вообще не дышать.

Чиркнула спичка: Уиклифф зажег сигарету. Скрип половиц, затем хруст кожаной обивки – отец опустился в кресло.

Легкие Люси горели. Пальцы побелели и на фоне ковра с причудливым орнаментом походили на когти; они будто уже ей не принадлежали.

Однако она не издала ни звука. Король и королева померкли перед глазами.

Люси выдержала.

По краям поля зрения возникла черная рамка. А вдруг Люси больше никогда не сможет дышать?

Зашелестела газета. Граф читал утренние новости.

В миле от библиотеки, под сенью зеленых ветвей второй сын графа Рочестера Тристан Баллентайн только что решил, что отныне он будет проводить в Уиклифф-холле каждое лето. Конечно, чтобы воплотить этот план в действие, придется подружиться с Томми, самым большим зазнайкой Итона, однако утренние прогулки в одиночку того стоили. В отличие от фамильного владения Рочестеров, где каждый куст подстрижен и поставлен на учет, парк Уиклифф-холла не старался вмешиваться в замысел природы. Деревья ветвились, кустарники выбрасывали побеги, в воздухе стоял сладковатый аромат лесных цветов. Тристан нашел место, идеальное для чтения Вордсворта: округлую лужайку в самом конце тропы. В центре лужайки торчком стоял большой валун.

Тристан обошел вокруг монолита. Обветренный конусообразный валун подозрительно смахивал на магический камень, воздвигнутый в незапамятные времена. Вообще-то двенадцатилетнему молодому человеку не подобает верить в фей и других сказочных героев – отец ясно дал ему это понять. Стихи в Эшдаунском замке также были под запретом; романтические бредни противоречили девизу рода Баллентайнов – «Сила и доблесть». Однако здесь Тристана никто не отыщет. Никто не увидит в его руках томик поэзии: Вордсворт и Кольридж, «Лирические баллады».

Тристан сбросил плащ, расстелил на траве и лег на живот. На ягодицах, где кожа была содрана, тонкая ткань брюк натянулась, подобно кольчуге, и Тристан охнул от боли. Отец вбивал в сына знания при помощи палки; вчера снова переусердствовал. Именно поэтому мама схватила Тристана – а он в свою очередь книги – и сорвалась на лето в гости к подруге, леди Уиклифф.

Тристан поерзал на животе, пытаясь найти удобную позу, однако быстро сдался, отцепил подтяжки и начал расстегивать причиняющие неудобства брюки. А в следующую секунду земля задрожала.

Тристан замер на месте.

Затем схватил плащ и нырнул за валун – как раз в то мгновение, когда на тропе показался вороной конь. Великолепный жеребец блестел от пота, с морды стекала пена. Такие достойны носить в седле королей и героев. На лужайке всадник резко осадил жеребца; с копыт, размером с тарелку, полетели комья грязи.

Тристан ахнул от изумления.

Всадник не был ни королем, ни героем. Он вообще не был мужчиной.

В седле сидела девушка.

Несмотря на сапоги, бриджи и мужское седло. Грива блестящих светлых волос струилась по спине и развевалась на скаку, словно шелковая вуаль.

Тристан не смог бы пошевелиться, даже если бы попытался. Ошеломленный, он был не в силах оторвать взгляд от ее лица. Неужели она реальна? Лицо девушки – само совершенство: изящное, в форме сердечка; тонкие брови вразлет, упрямый маленький подбородок. *Фея!*

Однако на ее щеках проступали красные пятна гнева, а губы были сжаты в струнку. Складывалось впечатление, что девушка готовилась вступить в схватку с огромным страшным зверем...

Она спешила, и Тристан вновь отскочил за камень. У него пересохло во рту. Нужно выйти. Нужно завести разговор. О чем беседуют с такими прекрасными и темпераментными созданиями?

Сапоги с легким стуком ударились о землю. Девушка ласково прошептала что-то жеребцу. Затем наступила тишина.

Тристан вытянул шею. Девушка исчезла. Он бесшумно прополз вперед и немного поднялся. Вот она – лежит в траве, широко раскинув руки!

Надо подобраться чуть ближе... А, была не была! Он выпрямился и посмотрел на нее.

Глаза закрыты, темные ресницы отчетливо выделяются на фоне бледных щек. Яркие пряди волос разметались вокруг головы, подобно лучам холодного зимнего солнца.

Сердце Тристана бешено застучало. По телу волнами прокатилось невыносимое томление, сродни благоговейному ужасу, – ему выпал редкий, драгоценный шанс, а он, как ни прискорбно сознавать, понятия не имел, что делать.

Тишину нарушило раздраженное фырканье. Жеребец подошел ближе, прижав к голове уши и выставив зубы.

– Черт! – охнул Тристан.

Девушка резко открыла глаза. Они уставились друг на друга: она – лежа на спине, он – стоя над ней.

Она вскочила как ужаленная:

– Ты! Ты на меня покушаешься!

Теперь, когда они стояли лицом к лицу, девушка выглядела миниатюрной.

Тристан ощутил, как его губы расплываются в глупой ухмылке.

– Нет, я...

Прищуренные глаза не сулили ничего хорошего.

– Я знаю, кто ты. Сын леди Рочестер.

Тристан сообразил, что нужно поклониться. И поклон вышел почти безупречным.

– Тристан Баллентайн. К вашим услугам.

– Ты за мной шпионишь!

– Нет. То есть да. Совсем немного, – вынужденно сознался он.

И в этот момент – самый неподходящий! – вспомнил, что ширинка его брюк наполовину расстегнута. Инстинктивно Тристан схватился за пуговицы, и от взгляда девушки это не ускользнуло.

Она задохнулась от возмущения.

Следующее, что запомнил Тристан, – как девушка взмахнула рукой, и его левую щеку обожгла невыносимая боль. Он отшатнулся, ничего не видя и схватившись за лицо. После такого удара ее ладонь должна быть в крови.

Он посмотрел на нее сквозь растопыренные пальцы:

– Я этого ничем не заслужил.

Проблеск сомнения – а возможно, и раскаяния – ненадолго остудил огонь в глазах девушки. Но затем она вновь решительно вскинула руку и огрызнулась:

– Ты еще мало получил! Оставь меня одну, маленький рыжий негодник!

Его щеки запылали, и не только от пощечины. Тристан знал, что с последнего дня рождения не вырос ни на дюйм, и да, его заботило, что знаменитая фамильная черта Баллентайнов – высокий рост – на нем отдохнула. Маркус называл его коротышкой. Рука Тристана сжалась в кулак. Будь на месте девушки парень, он бы свалил его с ног одним ударом. Однако джентльмен никогда не поднимет руку на девушку, даже если она едва не довела его до слез. Маркус! Маркус наверняка знает, как обращаться с такой норовистой феей. А Тристану оставалось лишь поспешно ретироваться. «Лирические баллады» так и лежали позабытые в сырой траве.

Глава 2

Лондон, 1880 год

Родись она мужчиной, ничего подобного не случилось бы. Ей не пришлось бы ждать в старомодно обставленной приемной, слушая натужное тиканье маятниковых часов. Секретарь за аккуратным столиком не бросал бы на нее подозрительные взгляды. Ей вообще ни к чему было бы приходить сюда сегодня – мистер Барнс, редактор и на данный момент владелец издательства «Лондонский печатный двор», подписал бы контракт на прошлой неделе. Однако, как он выразился, «обнаружились некоторые проблемы», не позволяющие завершить сделку.

Следовало ожидать. Есть вещи, которые женщине свойственно делать лишь потому, что она женщина: например, падать в обморок по любому ничтожному поводу; и есть вещи, которые делать женщине несвойственно лишь потому, что она женщина. Вероятно, женщина *не может* просто так взять и купить пятьдесят процентов акций издательского дома.

Люси прислонилась к обшитой темными панелями стене, запоздало вспомнив, что надела шляпку, когда та протестующе хрустнула.

А успех был так близок! Они ударили по рукам; Барнсу не терпелось поскорее продать свою долю и уехать в Индию. Как обычно при ее роде занятий, Люси оставалось подождать. К несчастью, терпение не входило в список ее добродетелей.

Она опустила веки, в то время как мысли продолжали вращаться вокруг «Лондонского печатного двора». Если посмотреть со стороны, головной офис издательского дома выглядел привлекательно и современно; к тому же четырехэтажное здание с полированным гранитным фасадом располагалось в одном из тех районов Лондона, где недвижимость неуклонно дорожала. Вполне соответствует издательству, выпускавшему два популярных ежемесячных журнала, которые регулярно читали более восьмидесяти тысяч представительниц среднего и высшего классов. Вот только помещения были так же унылы, как и издательские устремления: маленькие столы, темные комнаты, а обязательным боковым входом для единственной работающей здесь женщины – машинистки, дочери мистера Барнса, – служила затянутая паутиной лестница для прислуги. Если намерения Люси в отношении здания увенчаются успехом, она в первую очередь откажется от бокового входа.

Резкий металлический звонок заставил ее открыть глаза.

Секретарь привстал с места и объявил:

– Леди Люсинда, прошу вас.

Мистер Барнс приступил к переговорам в своей обычной торопливой манере. Он повесил шляпку и твидовый жакет Люси на перегруженную вешалку и предложил посетительнице чай, от которого та отказалась, потому что спешила попасть на поезд до Оксфорда.

А вот мисс Барнс то и дело украдкой поглядывала на нее от столика машинистки в левом углу кабинета, причем без всякой необходимости, с учетом того, что они уже виделись воочию. Люси кивнула ей, и мисс Барнс тут же опустила глаза и снова уткнулась в работу. Черт возьми, Люси – одна из лидеров суфражистского движения, а не какая-нибудь выпущенная на свободу уголовница! Хотя, надо признать, для большинства людей это практически одно и то же.

Мистер Барнс тоже смотрел на нее с опаской.

– Это все правление. В настоящее время члены правления пытаются понять, почему вы заинтересованы стать собственником таких журналов, как еженедельники «Новости ближних графств» и «Взыскательные дамы».

– Не собственником, а совладельцем, – поправила его Люси, – и мои соображения остаются все теми же: у периодики впечатляюще широкий круг читателей, и очевидно, журналы имеют растущий потенциал. Далее, ваше приобретение прав на серию книг «Поэтические рос-

сыпи» показало, что «Лондонский печатный двор» способен успешно завоевывать книжный рынок.

Не менее, а то и более важно, что двое других держателей акций, имеющие по двадцать пять процентов, являются пассивными партнерами, причем один из них постоянно проживает за границей. Люси будет принимать решения фактически единолично.

– Все это совершенно верно, – произнес мистер Барнс, – однако до нашей последней встречи правление не было осведомлено, что за Инвестиционным консорциумом стоите вы.

– Не понимаю, какое отношение это имеет к нашей сделке.

Мистер Барнс вцепился в узел галстука. Его лысина покрылась испариной, что выдавало нервное напряжение. Как всегда! Люси обычно производила на людей один и тот же эффект, а именно заставляла их нервничать. «Дело в твоей прямолинейности, – объясняла Хэтти. – Может, тебе стоит улыбаться почаще, чтобы меньше их пугать?»

Ладно, проведем на мистере Барнсе эксперимент. Люси улыбнулась, обнажив зубы.

Он, кажется, забеспокоился еще больше, ибо сосредоточенно снял очки, положил их в футляр и лишь затем наконец взглянул ей в глаза.

– Леди, позвольте мне быть с вами откровенным.

– Пожалуйста, – с облегчением ответила она.

– Вы проявляете политическую активность, – осмелился высказаться мистер Барнс.

– Я одна из лидеров суфражистского движения Британии.

– Именно. Потому вам, несомненно, известно, что вы... э-э... являетесь несколько сомнительной фигурой. Насколько я помню, недавняя статья в «Таймс» дала вам именно такое определение.

– Насколько помню я, в статье использовались выражения «мерзкая кляча» и «назойливая мегера».

– Пожалуй, – потупился мистер Барнс. – Естественно, правление задумалось: почему персону, задавшаяся целью низвергнуть существующий общественный порядок, заинтересовалась приобретением журналов столь высоконравственного содержания, не говоря уж о серии романтической поэзии?

– Мистер Барнс, похоже, правление подозревает меня в наличии скрытых мотивов, – снисходительно кивнула Люси. – Допустим, я планирую не вести успешный бизнес, а распространять революционные идеи среди респектабельных женщин при помощи «Новостей ближних графств».

– Ха-ха, – рассмеялся мистер Барнс; очевидно, этого он и опасался. – Поймите, ведь так вы начнете в массовом порядке терять читателей.

– Тут вы правы. Оставим революционные воззвания «Гражданке».

При упоминании радикального памфлета о правах женщин мистер Барнс вздрогнул.

– При всем должном уважении издательский процесс требует определенной личной вовлеченности в дело, глубокого знания потребностей читателей. Тематика «Новостей ближних графств» и «Взыскательных дам» отражает интересы женщин, принадлежащих к аристократическим кругам.

– А вот тут проблем не будет. Я сама принадлежу к аристократическому роду.

В отличие от вас, мистер Барнс.

Ее собеседник выглядел крайне озадаченным.

– Тем не менее эти журналы поощряют здоровые женские занятия: мода, домашнее хозяйство, семейные ценности. Ты согласна, Беатрик?

– Да, отец, – наконец подала голос мисс Барнс, до того жадно ловившая каждое слово.

Люси наклонила голову:

– Мисс Барнс, вы читаете «Новости ближних графств» и «Взыскательных дам»?

– Конечно, миледи, каждый номер.

– Вы замужем?

Щеки мисс Барнс зарделись, как того требовали правила приличия.

– Нет, миледи.

– Весьма показательно. – Люси повернулась к мистеру Барнсу: – Мисс Барнс является увлеченной читательницей обоих журналов. Очевидно, то, что она не замужем, не препятствует интересу к *здоровым* женским занятиям.

Он явно затруднялся с ответом.

– Есть определенная разница. Интересы моей дочери вызваны тем, что в перспективе у нее *будет* все это. Причем в ближайшее время.

Ого!

Стало быть, она, Люси, подобных перспектив лишена. *Дом. Счастливая семейная жизнь.* Только что мысли неслись во весь опор – и внезапно поезд сошел с рельсов. Странно. С чего бы это? Ведь Барнс сказал правду. Люси не обладала качествами, способными привлечь мужчину, – ни соблазнительной фигурой, ни томным взглядом мисс Барнс, обещавшим все прелести домашнего очага, какие только пожелает ее супруг. Напротив, Люси – политическая активистка, и ее возраст стремительно приближается к тридцати. Ее мало что задвинули на полку; она *сама и есть та полка* – ни один джентльмен в Англии не заинтересуется. Да ей и предложить-то нечего. Гостиная предназначена не для гостей, а для печатного станка, жизнь вращается вокруг Дела и привередливой кошки. Для жадного на женское внимание мужчины просто нет места. К тому же самая знаменитая ее кампания – война против Закона о собственности замужних женщин, – по сути, основная причина, по которой она сейчас сидит здесь и обсуждает с мистером Барнсом покупку издательства. Пока в закон не внесут поправки или пока он не будет отменен полностью, в случае замужества Люси лишится своего небольшого трастового фонда вместе с именем и легальной личной свободой – и станет в буквальном смысле *собственностью* мужа. А следовательно, об избирательном праве можно будет забыть навсегда. Ужасная перспектива! Нет, Люси нужен решающий голос в «Лондонском печатном дворе»!

Люси ненавидела то, что ей предстояло заявить. Однако она не для того лично уговаривала состоятельных женщин вложить деньги в это предприятие, чтобы сообщить о неудаче в шаге от финиша. Известно ли Барнсу, как чертовски трудно отыскать в Британии хотя бы десяток женщин, которые могут самостоятельно распоряжаться своими средствами?

Люси решительно произнесла:

– Возможно, вы в курсе, что в состав консорциума входит герцогиня Монтгомери?

Мистер Барнс подпрыгнул на стуле:

– Несомненно.

Люси направила на него тяжелый взгляд:

– В ближайшее время я проинформирую ее о развитии событий. Опасаюсь, что она будет... крайне огорчена, узнав, что ее инвестициям не нашлось применения.

Огорченная герцогиня – разгневанный герцог! Могущественный, разгневанный герцог, чье влияние простиралось до Индии.

Мистер Барнс извлек из кармана сюртука большой носовой платок и промокнул вспотевший лоб.

– Я готов изложить ваши... э-э... доводы членам правления. Уверен, это в достаточной мере прояснит возникшие вопросы.

– Надеюсь, вы поступите именно так.

– Предлагаю встретиться в начале следующей недели.

– В таком случае, мистер Барнс, до вторника.

Когда Люси сошла с поезда в Оксфорде, шпили и голубоватые свинцовые кровли погружались в сумерки. А вот университетские корпуса из золотистого песчаника все еще излучали теплый свет даже после захода солнца. Как правило, созерцание средневекового города прогоняло привезенную из Лондона хандру. Университетские стены и залы не сильно изменились со времен последнего Крестового похода и навеки вписались в центр города, так же как и глупые студенческие традиции – в его общественный уклад. Именно ради умиротворяющего постоянства Люси и поселилась здесь десять лет назад. Разумеется, у этого выбора имелись и другие очевидные причины: проживание обходилось значительно дешевле, чем в Лондоне, и хотя Оксфорд, к счастью, располагался вдали от любопытных глаз высшего света, оттуда было довольно удобно доехать поездом до Вестминстера. Порой Люси испытывала мимолетное сожаление от того, что колледжи открыли двери женщинам лишь в прошлом году и она уже не в том возрасте и к тому же пользуется дурной славой, чтобы поступить туда; впрочем, в свое время ей удалось заплатить прославленным университетским преподавателям за несколько частных занятий и подтянуть свои познания в алгебре и латыни. Однако прежде всего она выбрала Оксфорд за то, что его не тронуло время. Обычная прогулка по городу приводила мысли в порядок, действуя подобно созерцанию безбрежного океана: ибо что значило изгнание юной девушки из родительского дома перед лицом стен, семь столетий хранящих человеческую мудрость? Менее чем в миле к востоку от ее дома, на улице Норэм-гарденс в свое время трудились гении: Ньютон, Локк, Бентам... В редких случаях, находясь в эксцентричном настроении, она представляла себе, как блестящие умы, давно ушедшие в мир иной, кружились подле нее, подобно духам предков, и шептали слова одобрения – ведь они тоже однажды посвятили себя целям, которые другие люди находили абсурдными.

Сегодня город отказался поднимать настроение. Когда Люси добралась до дома, она по-прежнему вся кипела от неприятных эмоций. В это время суток наносить визиты подругам уже не стоило, хотя Катриона, скорее всего, еще корпит над древним манускриптом в квартире своего отца в колледже Сент-Джонс... Нет, в гости идти нельзя. Люси отперла дверь в дом. Сокрушаться по поводу бесхребетника Барнса нет смысла, так напряжение не снимешь. А вот хорошая поездка верхом отлично помогла бы. Вот только Люси не видела своего коня десять лет, с тех пор как покинула Уиклифф-холл. Само собой, он давно умер. Люси прошла по тускло освещенному коридору. Может, пора перестать пользоваться своим титулом? По сути, ее давно называют леди только формально.

Пересекая холл, Люси поприветствовала портрет тети Гонории и остановилась в дверном проеме, ведущем в гостиную. Ее губы искривились в усмешке. Да уж, не похоже на жилье женщины благородного происхождения. Ветхий стол в центре комнаты, окруженный стульями из разных гарнитуров, был завален картами, пустыми чайными чашками и проспектами суфражистских брошюр. Швейная машинка у стены слева использовалась в основном для изготовления баннеров и лент через плечо. В правом углу стоял горшок с засохшим растением высотой в человеческий рост. Каминную полку не украшало ни одно приглашение от уважаемого семейства; зато стены были оклеены пожелтевшими вырезками из газет и лозунгом с любимой цитатой Мэри Уолстонкрафт¹: «Мне не нужно, чтобы женщины имели власть над мужчинами; я хочу, чтобы они обладали властью над самими собой».

А самое худшее – эту комнату время от времени посещали проститутки из оксфордских борделей; наслышанные о Люси, они искали помощь по вопросам контрацепции. Порой за помощью приходили и попавшие в затруднительную ситуацию незамужние женщины. Люси держала коробочку с контрацептивами у себя в невинно выглядевшем шкафчике вишневого

¹ Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) – британская писательница. Считается одной из первых феминисток. (Здесь и далее прим. перев.)

дерева. Даже подруги не знали о коробочке и подобных визитах – хотя спасение *падаших женщин* было в то время, в правление премьер-министра Гладстона, весьма модным, Люси никого не спасала; она оказывала обратившимся к ней ту помощь, о которой они просили, и это уже считалось позорным. Разумеется, большинство уважаемых леди поспешили бы прочь из ее жилища.

По полу застучали маленькие лапки, и к Люси метнулся черный комок. Боудикка вскарабкалась вверх по юбке и пристроилась на левом плече хозяйки.

– Добрый вечер, киса!

Щеке Люси стало тепло и мягко – к ней прикоснулась гладкая шерстка.

Боудикка ткнулась носом в лоб хозяйки.

– Ну как, не скучала? – проворковала Люси.

Кошка снова потерлась о лоб, и Люси погладила ее от ушек до хвоста. Удовлетворенная Боудикка спрыгнула на пол и важно прошествовала в свой уголок у камина, задрвав украшенный белым кончиком хвост.

Люси со стоном сняла с плеча сумку. Сегодня нужно еще поработать, но сначала поесть: день прошел без ланча и чая – и желудок напоминал о себе недовольным урчанием.

Миссис Хит, давно усвоившая привычку Люси скудно питаться, оставила на плите кастрюлю с остывшим рагу, а рядом с кухонной мойкой положила стопку свежих газет.

Люси читала за едой, вслух выражая недовольство заголовками политических статей. В разделе брачных объявлений некий фермер с годовым доходом в двести фунтов подыскивал себе в жены женщину примерно сорока лет, которая должна была заботиться о его свиньях и пятерых детях – именно в таком порядке! Объявление возмутило Люси до глубины души. Наконец она вернулась к своему рабочему столу, сытая и информированная. К тому времени за задернутыми шторами эркера опустилась ночь.

Сегодня в том углу стола, куда Люси складывала материалы на тему женского образования, скопилась угрожающая кипа необработанной корреспонденции. Однако едва Люси занесла перо над листом бумаги, как раздался смех. Она нахмурилась. Пронзительный голос принадлежал Мейбл, леди Хенли, – вдове и коллеге-суфражистке, снимавшей другую половину дома. Условия устраивали обеих – приходилось уважать сложившиеся правила: незамужняя молодая женщина не должна жить совершенно одна. Однако звуки прямо под окном недвусмысленно свидетельствовали, что хихикать как девчонка леди Хенли могла лишь по одной причине. И действительно – вслед за ее смехом послышался приятный мужской баритон.

Люси продолжила писать. Интрижка соседки ее не касается. Снова смех! В меру дерзкая вдова могла втайне позволять себе вольности, на которые ни одна незамужняя женщина не отважится, а судя по тому, что Люси приходилось слышать сквозь общую стену, леди Хенли время от времени кое-что себе позволяла. Глупо! Поведение соседки может бросить тень и на Люси. А с другой стороны, большинство *мужчин* снимают любовницам роскошные апартаменты и получают удовольствие в любое время, когда заблагорассудится, и все беспечно делают вид, что такой практики не существует...

Сквозь шторы донесся возбужденный женский стон.

Люси положила ручку. Вдова, не вдова, а скандал ни одной женщине не нужен. И хотя леди Хенли сама в университете не обучалась, она общается со студентками в суфражистской ячейке, и, соответственно, все, что порочит ее репутацию, порочит и репутацию женщин из Оксфорда, а они должны вести себя безупречно.

Люси обошла вокруг стола и раздвинула шторы. К ней резко повернулись две головы.

Черт, только не это!

В свете из своей комнаты она различила взбудораженную леди Хенли – что было неудивительно, а вот мужчина... Лишь у одного мужчины в Англии такие высокие, четко очерченные скулы.

Не раздумывая Люси рванула вверх створку окна.
– Ты? – выдохнула она.

Глава 3

Тристан, лорд Баллентайн. Негодяй, распутник, бич ее юности. Галстук наполовину развязан, волосы взъерошены – тут явно поработали шаловливые пальчики. В общем, выступает в своем обычном амплуа. Сердце Люси возбужденно екнуло. Что он делает у ее дома?

Мужчина несколько секунд разглядывал Люси со своим обычным скучающим видом и лишь затем искривил уголки рта и наклонил голову в приветствии:

– Леди Люси! Какая приятная неожиданность.

– Что. Ты. Здесь. Делаешь? – без выражения спросила она.

Он сверкнул белоснежными зубами:

– Да вот, вел увлекательную беседу, пока одна злая кошка не открыла окно.

Они давно не виделись. Тристан вернулся с афганской войны полгода назад; газеты в красках расписали, что его наградили Крестом Виктории за беспримерную храбрость, проявленную на поле боя. А вот более интересный факт: за личные заслуги он получил место в палате лордов.

Все такой же повеса. Люси знала, что он домогался Аннабель на новогоднем балу у Монтгомери. А сейчас демонстрирует искусство соблазнения прямо под окном Люси.

– Как я поняла, вы знакомы? – громко спросила леди Хенли.

Люси удивленно уставилась на соседку. Совсем забыла о присутствии ее светлости...

– Лорд Баллентайн – давний друг моего брата.

– О, как мило.

Женщины готовы были наперегонки бежать, лишь бы заполучить хоть немного любви лорда Баллентайна, – от девушки, впервые представленной в свете, до матроны. Половина обожала его за редкую мужскую красоту – за шелковистые темно-рыжие волосы, идеальную линию подбородка и до неприличия чувственный рот. Другую половину притягивало обещание порочности, скрывавшееся за правильными чертами лица: похотливый контур мягких губ и хитринка в глазах, которые нашептывали: «Признайся мне в своих желаниях, даже самых потаенных, и ни одно из них меня не отвратит». Какая-то черная магия стояла за этим прекрасным, легко увлекающимся мужчиной. Похоже, и леди Хенли вскружило голову мрачное очарование Тристана; женщина очертя голову кинулась в жерло, словно насекомое в ловушку плотоядного растения.

Люси бросила на соседку многозначительный взгляд:

– Простите, что вмешиваюсь, однако с вашей стороны было бы неблагоприятно знакомиться более близко.

– Знакомиться... – повторила леди Хенли.

– С его светлостью. – Люси прочертила круг в воздухе, заключив в него скучающего лорда, делающего вид, что он тут ни при чем.

Лицо леди Хенли вытянулось:

– Как мило с вашей стороны предупредить меня.

– Но вы рискуете привлечь внимание.

– Нас никто не увидит. Кустарник... – Она жестом указала на разросшийся рододендрон и снова невольно выгнулась навстречу красавцу мужчине.

Люси ощутила покалывание в затылке. Неприятное чувство.

– Для суффражистки такое поведение по-прежнему считается неподобающим.

Леди Хенли, упрямое создание, наморщила нос:

– Неужели? А разве не вы говорили, что мы, женщины, должны бороться за свои устремления и желания? Разве не так?

– Пусть она повторит, – заинтригованно поднял бровь Баллентайн.

Люси с некоторым усилием открыла рот:

– В прошлый раз ситуация была немного другой. А в этом году нам достаточно скандалов, которые могут повлечь за собой запрет на обучение женщин в колледжах.

Леди Хенли надула губы, поглядывая на Баллентайна из-под опущенных ресниц.

– Ничего страшного. На мой взгляд, час достаточно поздний.

– Я вас предупредила, – отрезала Люси и закрыла окно. Вернее, попыталась закрыть. Створка не сдвинулась с места. Люси потянула сильнее. Заело!

Его светлость наблюдал за стараниями Люси со всевозрастающим интересом.

Кровь прилила к голове. Как такое могло случиться? Люси стиснула зубы. Черт бы побрал это окно!

– Позволь мне.

– Мне не нужно...

Тристан вытянул вперед длинные пальцы и надавил на раму. Створка медленно и плавно опустилась вниз до подоконника и встала на свое место.

Люси видела свое отражение в стекле – лицо перекошено, глаза прищурены, волосы растрепаны...

Самодовольная ухмылка Баллентайна светилась в темноте по ту сторону стекла, подобно маяку.

Люси ничего не оставалось, как рывком задернуть шторы.

– Не обращайтесь на нее внимания, – донесся из-за окна приглушенный голос леди Хенли. – Нудная старая дева!

Люси отошла от окна. Сердце колотилось так, словно она пробежала милью. Гипертрофированная физическая реакция! Нет необходимости быть такой эмоциональной. Однако если она не хочет слушать сквозь стенку, как Баллентайн демонстрирует свое мастерство леди Хенли, нужно куда-то уйти. Уловив настроение хозяйки, из угла выбралась Боудикка. В свете газовой лампы ее глаза сверкали желтым. Кошка принялась тереться о юбку Люси, пока та не наклонилась и не погладила ее.

За леди Хенли переживать не стоит; вдова не бросится в реку Исиду² ради Баллентайна, как в разное время грозились поступить другие его пассии, – она не неопытная девчонка. А репутация Баллентайна как соблазнителя известна всем; впрочем, он последний, кто пытается скрыть свои намерения. Люси подозревала, что это был расчет: так Тристан подстрекал женщин на перевоспитание животворящей любовью; многие из них попали в ловушку, сплетенную из собственных амбиций.

Люси собрала все необходимое – чернильницу, промокашку, авторучку и записи. Попутно прихватила шаль; в библиотеке колледжа «Леди-Маргарет-Холл» вечные сквозняки. Она приготовилась запереть дверь и спуститься по лестнице, однако остановилась подышать воздухом. Ночная прохлада охладила пылающие щеки подобно бальзаму.

– Решили прогуляться, миледи? – раздался позади все тот же бархатный голос.

Люси медленно обернулась. Ее руки сжались в кулаки.

Тристан стоял у подоконника, в руке дымилась зажженная сигарета. Рядом подпирала стену его трость с громадным янтарным набалдашником, горевшим в свете фонаря, как глаз дьявола. Леди Хенли нигде не было видно.

– Почему так быстро?

– Кое-что случилось и испортило настроение. – Он выпустил дым через нос.

– Какая жалость!

– Ничего страшного. Маленький курьез.

² Исида – альтернативное название Темзы на протекающем через Оксфорд отрезке.

Тристан отделился от подоконника и шагнул к Люси. Внизу ее живота затрепетали бабочки – сотни легких и неистовых крылышек. Ну вот опять! Когда Тристан бывал в отъезде, Люси забывала, насколько он импозантен; однако стоило им где-нибудь пересечься, как острые ощущения возвращались.

Впервые Люси почувствовала бабочек много лет назад, в коридоре Вестминстера, куда она явилась подать петицию. Тристан отправлялся на военную службу – по приказу отца, как предположила она, у него самого армейской дисциплинированности кот наплакал. Однако едва Баллентайн возник перед ней, сквозь тело Люси словно пронесся разряд молнии. Она буквально приросла к месту. Перед глазами все еще стояла морковная шевелюра, обладатель которой причинил ей столько беспокойства. Теперь же Люси атаковала та версия Тристана, которую знали все: точеное красивое лицо, широкие плечи, стройные бедра. Истинный Баллентайн в безупречно пошитом мундире, достойный продолжатель семейных традиций. Его необузданный шарм вызвал у Люси неодолимое желание нервно пригладить волосы. Как унижительно! Это вообще выше ее понимания – испытывать эстетическое наслаждение при виде хорошо сложенного мужского тела! И ладно бы кого другого, но Тристана? Целых шесть лет каждые каникулы этот мальчишка изводил Люси в ее же доме своими розыгрышами и взглядами искоса. А она *ненавидела* розыгрыши. Мало того, он расположил к себе ее брата, ее кузин и кузенов, ее маму, – при том что Люси и без того чувствовала себя лишней за обеденным столом. И, судя по скандальным заголовкам, которые появлялись в газетах всякий раз, когда Тристан ступал на землю Британии в перерывах между военными кампаниями, он ничуть не исправился.

Сейчас он стоял совсем рядом, и Люси задрала голову. По иронии судьбы, после их первой стычки в парке Уиклифф-холла она прибавила в росте едва ли на дюйм.

– Тебе не стоит тратить время, простаивая у нас на пороге, – сказала она.

– А тебе не стоит ночами гулять в одиночку.

В его правом ухе звездочкой сверкала бриллиантовая сережка-гвоздик.

Люси скривила губы и двинулась дальше.

– Не утруждай себя.

– Я бы с радостью. – Он шел рядом. Два шага Люси равнялись его одному. – Однако все же я обязан проводить тебя.

– Серьезно, оставь джентльменские прелюдии.

– Джентльмен настоял бы на том, чтобы нести твою сумку. Тебе тяжело, даже перекосилась вся.

Примечательно, что отдать сумку ему он не предложил.

Люси с ужасом обнаружила, что идет не в том направлении. Вот досада! А назад повернуть нельзя; это будет выглядеть так, словно она убегает от Тристана, что само по себе оскорбительно.

– Когда леди идет в компании с тобой, ее репутация подвергается большому риску, чем если бы она гуляла вечерами в одиночку.

– Меня поражает твоя вера в силу моей порочности.

– Она отлично сработала на леди Хенли.

– На ком?

– Не важно, – фыркнула она. И добавила: – Полагаю, если целью является охота, имя преследуемой – всего лишь незначительная деталь.

– Откуда мне знать, – озадаченно проговорил Тристан. – Я никогда не преследую женщин.

– Тяжелый случай самообмана.

– Вот как? Почитай Дарвина! Самец распускает перья, самка выбирает. Так было и так будет всегда. Берегись самца, который сделал ставку на преследование – таким образом он надеется скрыть, что его оперение не на должном уровне.

– Твое оперение, несомненно, самое пышное и переливается всеми цветами радуги.

– Уверяю тебя, оно не радужное, – равнодушно ответил Тристан.

Досада горячим клубком поднималась вверх по шее.

– А дамам, кажется, все равно.

– Дорогая, что я слышу? Ты ревнуешь!

Люси крепче вцепилась в ремень сумки. Как бы придумать, чтобы неверно выбранное направление выглядело заранее спланированным? Если не свернуть, они попадут в центр города.

– Конечно, все дело в ревности, – продолжил Тристан. – Это естественным образом объясняет, почему ты постоянно уклоняешься от встреч.

– Знаю, ты находишь свои шутки крайне остроумными, только сегодня они до меня не доходят. И вообще, припоминаю случай с леди Уорвик... – Невольно у Люси в памяти вспыхнуло видение: две фигуры в тени деревьев. Тристану тогда было не больше семнадцати. – Как мерзко! Она только что вернулась из свадебного путешествия.

– И уже успела безумно заскучать.

– Конечно, она проявила безрассудство. И все же не заслужила, чтобы ею насильно овладели прямо на садовом столе.

– Насильно? Боже мой!

Тристан, похоже, оскорбился. Отлично. Они находились уже в середине Парк-роуд, и Люси хотела избавиться от него.

– Кто бы мог подумать! Печально известный развратник помнит свои связи!

– О, не все, – снисходительно ответил он. – Помню только тех, которые меня отшили.

Вряд ли таковых насчитывается много. Люси развернулась и посмотрела ему в глаза:

– И именно их ты больше всех желал?

Глаза Тристана в свете фонаря сверкнули желтым. Прямо как у Боудикки.

– Да не сказать чтобы больше всех, – понизив голос, ответил он. Почти промурлыкал.

Люси задрала голову и смотрела на него не мигая. Ее пульс участился. Порой он проделывал такое – говорил что-нибудь в подобной манере, словно воображал себя наедине с ней, причем не одетой. Она предполагала, что так он разговаривал со всеми женщинами: с намерением соблазнить. А с ней – с намерением позлить.

Тристан собрался что-то добавить, однако вдруг передумал. Его следующие слова удивили ее больше:

– Я как раз собирался оставить тебе визитку, чтобы назначить встречу, когда увидел твою соседку.

Назначить встречу? С ней? Но зачем?

– Послезавтра в новом кафе, над книжным магазином «Блэкуэллз», – продолжил Тристан, не дождавшись ответа. – Впрочем, выбор места встречи за тобой.

– Что ты хочешь обсудить со мной, Баллентайн?

– По слухам, ты у нас эксперт в британском издательском деле. Нужен твой совет.

– Кто тебе сказал? – Люси напугалась.

– Объясню, когда встретимся, – улыбнулся он.

Вот настырный! Трудно спорить с таким, да еще и в темноте.

– Допустим, я соглашусь на встречу с тобой – хотя я не соглашусь. Но есть десятки других достойных людей, которые могут дать совет.

– Я заинтересован в читательницах, принадлежащих к среднему и высшему классам. Вполне логично обратиться с просьбой к женщине, которая вращается в этом кругу.

Люси прищурилась и окинула его взглядом. Мужчина перед ней выглядел как Тристан – бордовый бархатный пиджак, помпезная трость с янтарным набалдашником. Однако слова, которые он произносил, были Тристану несвойственны. Люси никогда бы не подумала, что он

интересуется подобными вещами, и, в частности, не подозревала в нем способностей к логике. Хотя... он интересуется читателями-женщинами, что вполне соответствует его характеру и образу мыслей.

– Ну, право же, Люси! – Баллентайн понизил голос, обогатив его теплыми насыщенными нотками, способными проникать любой женщине под кожу и склонять ее к совершению всяких глупостей. – Согласись на встречу. Ради старой дружбы.

Тристан отступил на шаг, наблюдая, как в глазах Люси зарождается смятение. Эльфийское личико заострилось от досады: две сильные эмоции растягивали Люси в противоположных направлениях – любопытство и глубочайшее презрение к его, Тристана, персоне.

А ведь были времена в Уиклифф-холле, полные наслаждения и муки, когда он жил ради того, чтобы спровоцировать неприступную леди Люсинду Тедбери хоть на какую-то ответную реакцию. Прodelки были незначительны; разве что окунуть ее косу в чернила – единственный раз, когда он коснулся волос Люси! – или поставить на полку вместо коллекции первого издания Уолстонкрафт журналы непристойного содержания.

А еще позволить застукать себя в саду целующимся с леди Уорвик.

Хоть что-нибудь, лишь бы спровоцировать ее.

И теперь, когда он давно уже не тощий мальчишка, жадно старающийся урвать толику ее внимания, вдруг оказалось, что Люси по-прежнему имеет над ним некую власть. Это, без сомнения, ностальгия. Люси излучает раздражение и таит обиды, уходящие корнями к тем далеким годам. Однако она здесь, живая и дышащая; сквозь дым сигареты он улавливает знакомые нотки ее мыла со свежим ароматом лимона и вербены, и от этого под пиджак проникает тепло.

– Ради старой дружбы? Там не было ничего, чем тебе стоит гордиться, – сдержанно ответила Люси.

– Тогда придется взывать к твоей филантропической душе.

Луна висела высоко в ночном небе, и в ее рассеянном свете волосы Люси сияли подобно новенькой серебряной монете. Тристан вспомнил, как много лет назад, в те украденные мгновения, потрогал эти волосы, свежие и гладкие, как тончайший шелк. «Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены...»³

Он замер, почувствовав озноб. А ветерок совсем летний... Эти строки дождались своего часа и как будто напали из засады. Счастье, что это всего лишь известные строки Байрона. Однако давно в его голове не звучали стихи, очень давно... Интересно.

Он внезапно вздрогнул.

Реальные мотивы Люси попробовать себя в издательском бизнесе почти не имели отношения к издательскому делу как таковому – в таких делах инстинкт редко подводил Тристана. И если подозрения верны, ему придется ее остановить.

– Я буду в кафе «Блэкуэллз» в половине одиннадцатого. Послезавтра. Говорят, кофе там довольно приличный; предлагаю составить мне компанию. – Тристан щелчком отправил окурок в темноту. – Кстати, дорогая, библиотека находится в другой стороне.

³ Д. Г. Байрон, стихотворение «Она идет во всей красе». (Здесь и далее цитируется в переводе С. Маршака.)

Глава 4

Днем позже в замке Эндаун

Мрачный, холодный, гасящий все звуки кабинет отца напоминал крипту, подземную усыпальницу. Такое впечатление отчасти создавалось благодаря массивной мебели из эбенового дерева и плотным, в палец толщиной, шторам, однако в большей степени самому хранителю крипты: везде, куда ступала нога графа Рочестера, окружающие предметы теряли яркость, а звуки гасли.

Когда Тристан вошел, граф восседал за столом на фоне своего самого драгоценного сокровища: огромного гобелена с изображением генеалогического древа Баллентайнов, берущего начало с 1066 года. Гобелен был дарован дому Рочестеров лично Генрихом Восьмым. Традиции, родовое имя, покровительство королевской семьи – все, что Рочестер ценил больше всего, олицетворял покрытый плесенью отрез вышитого шелка. Если бы графу пришлось выбирать, что спасти при пожаре – беспомощного младенца или кусок ткани, – он не задумываясь позволил бы погибнуть ребенку. И когда Рочестер сидел за столом, ветви генеалогического древа тянулись прямо из его головы; создавалось впечатление, что у графа выросли ветвистые рога. Впервые Тристан заметил это в восемь лет и не смог удержаться от смеха. Секундой позже из его разбитой губы шла кровь, а Рочестер как ни в чем не бывало опять сидел в своем кресле.

– Твоей матери нездоровится, – сказал Рочестер. В голосе прозвучало недовольство, но не озабоченность.

– Я очень огорчен, – таким же тоном отреагировал Тристан.

– Будь это так, ты бы навестил ее. А ты после возвращения вообще не удосужился заехать в дом.

Тристан кивнул. Разумеется, именно граф решил записать сына в армию Ее Величества и отправить подальше – например в Гиндукуш. Отец с удовольствием его там бы и оставил – да вот только Маркус, непогрешимый Маркус, сломал шею.

– Я провожаю маму после нашего разговора.

Независимо от *его содержания*. Отец до сих пор не раскрыл цель их встречи.

Рочестер вытянул вперед длинные бледные пальцы – так он делал всегда, когда переходил к сути вопроса, – и устремил на сына холодный взгляд:

– Ты должен жениться.

Жениться.

Тристан покрутил слово в голове так и этак, словно заковыристую фразу на пушту или дари, понять истинное значение которой требовало определенных усилий.

– Жениться, – повторил он. Собственный голос доносился словно издалека.

– Да, Тристан. Ты должен взять себе жену.

– Прямо сейчас?

– Не изощряйся в остроумии. Я даю тебе три месяца. Через три месяца ты объявишь о помолвке с женщиной, достойной нашего титула.

Первая волна холодного возмущения схлынула. Жена. Тристан был не в том положении, чтобы связывать себя подобными обязательствами. Разумеется, с тех пор как титул наследника перешел к нему, на горизонте замаячили матримониальные проблемы. Однако стоило ему лишь чуть приблизиться, они исчезали вдалеке. Как бы Тристан ни любил женщин – их мягкость, их аромат, их остроумие, – всякая женщина в роли жены станет другим существом. Сразу появятся запросы и обязанности. Появятся... маленькие отпрыски. Появятся... ожидания.

По спине Тристана пробежал холодок.

– Почему сейчас? – спросил он тоном, который испугал бы любого другого мужчину.

Рочестер прищурил глаза:

– Как я вижу, даже военная служба не смогла побороть твою умственную ограниченность. Придется объяснять на пальцах: тебе двадцать семь лет. Ты наследник титула и, поскольку Маркус оставил свою вдову бездетной, последний прямой наследник по линии Баллентайнов. Твоя главная задача на сегодня – произвести на свет наследника. Если ты этого не сделаешь, четыреста лет господства Баллентайнов завершатся и право носить титул Рочестеров перейдет к Уинтерборнам. А ты уже почти год уваливаешь от своих обязанностей.

– Вообще-то я вынужден был задержаться в Индии, чтобы оправиться от пулевых ранений, потенциально смертельных.

Рочестер покачал головой:

– Ты вернулся полгода назад. И что же, усердно добивался расположения потенциальных невест? Нет, попадал на первые полосы газет, превращая пэров в роконосцев. К тому же ходят слухи о твоих... заслуживающих наказания проступках.

– Неужели? – искренне удивился Тристан.

Рочестер поджал губы и на миг стал похож на себя более молодого, занятого поиском инструмента для очередного наказания. За то, что сын доставлял одни неприятности. За любовь к поэзии и красивым вещам, за «девчоночью» привязанность к домашним животным. Должно быть, Рочестера злило, что единственным доступным ему инструментом контроля оставалась лишь финансовая удавка, на которой он держал сына. И она не приносила немедленного удовлетворения.

– Не имею привычки читать всякие сплетни. Полагаю, лучше находиться в блаженном неведении относительно слухов, касающихся моей персоны.

Граф медленно подался вперед:

– Тебя видели в одном заведении.

– Вполне возможно.

– С младшим сыном маркиза Донкастера.

Вот так сюрприз! Тристан усмехнулся про себя.

– Значит, слухи касаются лорда Артура?

Небрежность, с которой он произнес эти слова, заставила Рочестера побледнеть. Занятно.

Не беспокойтесь по поводу лорда Артура Сеймура, отец. Я кое-кому вставил и позволил ему смотреть, однако на острие был не он.

Эти слова едва не сорвались у Тристана с языка. Вместо этого он сказал:

– Общество, как всегда, фабрикует сенсацию из ничего. Вряд ли газеты отважатся обнародовать что-либо конкретное.

Под левым глазом отца дернулся мускул.

– Фактов хватит, чтобы Донкастер быстренько состряпал иск по обвинению в клевете.

– Против кого?... Глупейшая затея! Так каждый на британских островах узнает о любовных предпочтениях Артура.

– И вполне возможно, о твоих, – пробурчал Рочестер. – Малейший намек на подобные вещи сделает твое положение в свете весьма шатким. Союз с женщиной, репутация которой безупречна, может поправить дело; однако, само собой, отцы девушек в настоящее время не расположены отдать их такому, как ты, – разве что я выложу кругленькую сумму.

Тристан стиснул зубы:

– Не тратьте деньги. Я не нуждаюсь в жене.

Существовала лишь одна женщина, с которой он в перспективе мог надеяться на нечто большее, чем мимолетные отношения, однако на ярмарке невест она не присутствовала.

– Учитывая сложившиеся обстоятельства, мы должны действовать быстро.

Тристан пожал плечами:

– Откровенно говоря, я не возражаю против кузена Уинтерборна. Добро пожаловать! – Он беспечно махнул рукой, словно обводя круг, включающий в себя весь дом Рочестеров: такое легкомыслие непременно разозлит отца.

Глаза Рочестера потемнели:

– Тристан, я не шучу.

– Сэр, вы предположили, что я, вследствие своей ужасной репутации, не смогу найти за три месяца достойную и не возражающую против брака со мной женщину. Поэтому, – Тристана вдруг осенило, – вы, вероятно, уже выбрали для меня подходящую невесту?

– Само собой, выбрал. Тем не менее возможный скандал вынудил ее опекуна отложить на время заключение контракта.

– Скажите мне, кто эта счастливица?

Рочестер покачал головой:

– Зачем? Чтобы подтолкнуть тебя к очередным шутовским проделкам, в то время как дело не улажено? Нет. Сейчас перед тобой стоит простая задача: завоевать симпатии уважаемых в обществе матрон, а еще одеваться и вести себя, как подобает мужчине твоего круга. Для началаними с себя... это.

Граф щелкнул пальцами у правого уха сына. Тристан проколол ухо и вставил бриллиантовую сережку-гвоздик.

Он холодно взглянул на отца и встал:

– Я пережил осаду Шерпура. Я добрался до Кандагара, неся на себе полумертвого капитана. Я повидал множество смертей, крови и мерзостей – больше, чем в состоянии запомнить. Так что простите, если проблема выбора идеальной жены и газетные сплетни кажутся мне ничтожными.

Он был уже у дверей, когда граф бросил вдогонку:

– Если ты хочешь, чтобы твоя мать осталась в Эшдауне, предлагаю задуматься, насколько серьезны эти проблемы.

Тристан застыл на месте. На него навалилось все сразу: жар и холод, бешеный пульс, гул крови в ушах. Часть мозга лихорадочно размышляла; другая же часть пребывала в оцепенении.

Он обернулся, нарочито медленно. Тело было по-прежнему готово к бою – что полезно на вражеской территории, но не там, где территория ужалась до кабинета знатного дворянина. «Убить или быть убитым». Или в британских родовых владениях это всего лишь фигура речи?

– Какое отношение все это имеет к маме?

Лицо Рочестера состояло из одних только теней и острых углов.

– Как я уже сказал, она нездорова. Возможно, ей обеспечат лучший уход в другом месте.

Тристан сжал трость так, что пальцы побелели.

– А точнее?

– Есть места, более подходящие для людей с ее странностями...

– Мы говорим о Бедламе?

Граф наклонил голову:

– Бедлам? Нет. Есть специализированные частные заведения, более приспособленные для ухода...

Частные заведения. Места, куда находящихся в здравом рассудке, однако причиняющих неудобства жен и дочерей до сих пор отправляют умирать.

Когда Тристан вернулся к столу, в глазах Рочестера мелькнула тревога – он зашел слишком далеко. Однако же граф решился; а значит, черт возьми, что-то его на это подвигло?

– Мама очень переживает. – Тристан сверлил отца взглядом. – Ее сын погиб.

– Мой тоже, – отрывисто бросил граф. Еще один проблеск эмоций.

В другой день и в другой жизни Тристан мог бы выразить сочувствие.

– Маме не место в лечебнице для душевнобольных. Там она не выживет, и вам это известно.

– Тристан, я могу терпеть лишь определенное количество странностей в своем доме. Тебе решать, чьи это будут странности – либо твои, либо ее.

Это был шантаж, и такой, которому придется подчиниться. Все жилы в теле Тристана напряглись в порыве немедленно устранить угрозу свободе. Он сделал глубокий вдох, затем второй. Наконец пламя гнева в крови утихло.

Рочестер кивнул и добавил почти дружелюбно:

– Я призываю тебя выполнить свой долг. Женись, роди наследника, роди еще нескольких отпрысков. У тебя есть три месяца на восстановление достаточно приемлемой репутации. Докажи, что ты не полностью бесполезен.

Бесполезен. Еще один глубокий вдох. «Бесполезен» – любимое оскорбление Рочестера. Всякий, кто в должной мере не удовлетворял запросам графа, попадал в эту категорию, и даже когда Тристан повзрослел, это слово наносило ему глубочайшую рану.

С него хватит. Визит к матери в западное крыло дома придется отложить.

Когда Тристан сел в карету и свернул на подъездную аллею, он сформулировал для себя ответ, почему Рочестер использовал для давления на сына графиню, а не свой банковский счет, как бывало обычно. Во-первых, отец осознал, что Тристан близок к достижению минимально необходимой финансовой независимости. Во-вторых, женитьба – дело серьезное, и Рочестер справедливо допускал, что очередное урезание денежного содержания сына может не принести результатов. Чтобы тот взял в жены выбранную Рочестером девушку и пусть рожденные в браке дети до конца дней напоминают о графе? Ну уж нет. Отсюда и шантаж: жизнь за жизнь. Либо собственная жизнь, либо жизнь матери.

Если Тристан уступит, Рочестер сделает маму петлей на шее сына. А значит, нужно что-то придумать. Что, если послать письмо в Дели, генералу Фостеру – возможно, тот согласится приютить ненадолго двоих гостей из Англии, не задавая лишних вопросов? Конечно, это потребует времени. Проклятие! Письма на такие расстояния идут неделями! Или попробовать отправить сообщение в Бомбей телеграфом, по подводному кабелю? Вот только соединяющие Англию и Нью-Дели кабели часто повреждаются. Тристан немного поиграл с идеей пуститься в дорогу с больной матерью, увезти ее в никуда; к черту планы и к черту Фостера. Увы, подобная импульсивность обычно ни к чему хорошему не приводит.

Ясно одно: нужно увеличить и обезопасить свои финансы, и как можно скорее. Перед мысленным взором вспыхнуло лицо Люси, и Тристана захлестнула новая волна негодования. Эта женщина невольно оказалась на грани того, чтобы сломать планы, которые он строил, – планы на новую, оседлую жизнь в Англии. И как четверть часа назад, препятствие в ее лице означало угрозу свободе.

Тристан смотрел в окно кареты, однако ничего не видел – Люси заняла все его мысли. Добравшись до станции, он задумался: стремилась ли та часть сознания, которая порой заполняла долгие восточные ночи воспоминаниями о Люси и летних днях в Англии, снова оказаться в одной стране с ней?

Он сидел в пустом вагоне; тишина казалась оглушающей. Тристан выудил из нагрудного кармана фляжку виски. Пока придется делать вид, что он принял игру Рочестера, – чтобы выиграть время. Но сначала он напьется.

Глава 5

Люси проснулась оттого, что кошка лежала прямо у нее на лице. Зато пальцы на ногах совсем окоченели.

– Черт возьми! Боудикка!

Кошка спрыгнула с кровати на пол.

– Твое место у меня в ногах, и ты это прекрасно знаешь.

Боудикка развернулась и ушла на кухню. В конце концов, она не грелка для ног! Для этих целей пусть леди заводит себе мопса.

Люси со вздохом откинула одеяло и поплелась в угол, где стояли керамическая миска и кувшин. Нужно смыть с себя остатки сна. Веки царапали глаза, словно металлические щетки. Вчера опять заработалась дотемна.

Одного взгляда в маленькое зеркало было достаточно, чтобы подтвердить: вид измученный. Да еще и пепельные круги вокруг носа и губ. Прямо как у женщин на открытках, воткнутых по обе стороны рамы зеркала. Укусные валентинки⁴, тщательно выбранные из кучи посланий от анонимных недоброжелателей, которые сыпались в почтовый ящик каждый февраль. Да и рифмованные куплеты твердили одно и то же: она – падшая женщина, будет мучиться всю жизнь и умрет в одиночестве. *Кота завела, канарейку купила, вот только завлечь не сумела мужчину... Тебя поймают, рот заткнут и на потеху поведут...* Самая любимая открытка изображала злобную суфражистку, насаженную на вилы. Похожие на проволоку волосы старой девы торчат в разные стороны; красный нос вытянут подобно клюву. Ведьма, да и только.

Отражение в зеркале саркастически усмехнулось. Что-то сегодня у нее ни на что нет сил. Забраться бы снова под одеяла, и не важно, что постель остыла...

Внизу замяукала Боудикка, гремя пустой миской.

Люси смирилась со своей участью и накинула халат.

Неяркий свет раннего утра отражался от белой кафельной плитки и шкафов из полированного дерева. На кухне пахло свежесваренным чаем. Миссис Хит, лучшая в мире экономка, уже растопила камин, поджарила тосты и открыла банку консервированного лосося.

– Благодарю тетушку Гонорию – она оставила мне денег, иначе пришлось бы тебе питаться обрезками со скотобойни, которые разносит мясник, – пожурела Люси Боудикку, под бдительным контролем питомицы попеременно выкладывая ложкой кусочки лосося то в свою тарелку, то в кошачью миску. – Или еще хуже – жить на улице и каждый день ловить мышей, как обычная кошка. Что ты на это скажешь, а?

Боудикка презрительно дернула пушистым, с белым кончиком хвостом.

– Неблагодарное животное. И почему я не оставила тебя в корзине? А ведь могла бы легко выбросить на улицу.

«Блефуете», хозяйка, – сверкнули в ответ зеленые глаза кошки. – Тебя саму выбросили, как и меня, и ты крайне нуждалась в компании».

Возможно. Однажды утром, десять лет назад, Люси выскочила из дома и чуть не споткнулась о высокую плетеную корзину, стоявшую на ступенях. В корзине пищал черный пушистый комочек. Люси сунула в корзину палец, и комочек тут же предпринял на него яростную атаку. Она решила оставить котенка себе. Люси только что поселилась на улице Норэм-гарденс после изгнания из Уиклифф-холла и чувствовала себя ужасно одинокой. Тем более что никто не пришел и не заявил о своих требованиях на новую подружку.

⁴ В Викторианскую эпоху, да и позже, были популярны валентинки, которые содержали не только объяснения в любви, но и издевательские стихи, картинки и оскорбления. Особо изощренные перлы доставались суфражисткам.

Часы в гостиной пробили семь тридцать, а чай до сих пор не привел Люси в чувство. Усталость ей сегодня некстати: в ежедневнике отмечено много деловых встреч. Сначала с леди Солсбери в отеле «Рэндольф». Придется сознаться графине в некоторой задержке с приобретением «Лондонского печатного двора». Затем второй завтрак с Аннабель, Хэтти и Катрионой там же, в «Рэндольфе». Люси расскажет подругам о возможных грядущих неприятностях.

А в половине одиннадцатого окно в расписании оккупировал Лорд-преследователь.

Люси ощутила спазм в животе. Причиной беспокойной ночи отчасти была их последняя стычка. Люси вертелась в кровати, не в силах прогнать чувство тревоги, возникшее после встречи с Тристаном. Ради старой дружбы, сказал он. Какое нахальство! Их общение – сплошное противоборство. Впрочем, те дни давно прошли, от былой жизни ничего не осталось, кроме, как ни странно, самого Баллентайна. Порой они случайно сталкивались в Лондоне, куда Люси приезжала по делам, порой до нее доходили газетные заголовки и слухи – по стечению обстоятельств они каким-то образом доходили всегда. Да, лучше бы вообще с ним не встречаться! Однако, если Тристан вынашивает гнусные планы, даже отдаленно касающиеся женщин и издательского дела, Люси должна быть в курсе.

Боудикка под столом завела жалобную песню, словно бедняжку несколько дней не кормили.

– Ах ты мой деспот, – промолвила Люси, выскребая в миску остатки рыбы со своей тарелки.

Леди Солсбери сняла номер в «Рэндольфе» под именем миссис Миллер. Смех, да и только! Графиня была аристократкой до мозга костей и по внешнему виду, и по манерам. Никто не примет ее за заурядную туристку. Однако леди Солсбери, по ее собственному выражению, предпочитала *сохранять инкогнито* во всем, что касалось ее связей с Делом, особенно в части «особой миссии». Графиня к тому же уговорила нескольких женщин, не принадлежащих к кругу общения Люси, принять участие в Инвестиционном консорциуме и сама пожертвовала значительную сумму. Как же не хочется ее разочаровывать!

Графиня сидела в гостиной отеля на маленьком диванчике с накинутой на плечи черной шалью и изящной чашечкой чая в руке. Когда Люси вошла, она поставила чашку на стол и приподнялась. Графиня упорно поступала так, хотя уже отметила семидесятилетие и ходила с тростью.

– Леди Люсинда, без пяти минут владелица «Лондонского печатного двора»! – воскликнула графиня. Ее округлые щеки сморщились от радостного предвкушения.

– Боюсь, пока что нет, – с приклеенной улыбкой ответила Люси.

Лицо леди Солсбери вытянулось:

– Пока нет? Но ведь контракт должен был быть подписан пару дней назад! Садитесь, дорогая. Вам чаю или шерри?

Шерри? Часы на каминной полке показывают всего девять утра...

– Чаю, пожалуйста.

Она уселась рядом с леди Солсбери. Графиня налила ей чаю.

– А теперь рассказывайте, что случилось. «Пока нет»! Абсурд!

– У мистера Барнса возникла некоторая задержка с оформлением документов. Вопрос должен решиться на следующей неделе.

Провести графиню оказалось нелегко. Она с пониманием сощурилась. Проницательные голубые глаза были так же остры, как у женщин в возрасте Люси.

– Люди неприязненно относятся к таким, как вы, и потому ставят палки в колеса.

– В задержке нет ничего необычного. Мы добьемся своего.

– Я была бы весьма рада, – вздохнула леди Солсбери. – Моя Афина горит желанием взяться за дело.

Леди Афина, племянница леди Солсбери, намеревалась помогать в затеянном предприятии. Одна из многих женщин ее статуса, жаждущих направить свою энергию на что-то более интересное, чем вышивание салфеток.

– Передавайте ей от меня привет, – сказала Люси. – Вопрос непременно решится через пару дней.

Леди Солсбери покачала головой:

– Как отвратительны политические игры!

– Могло быть хуже. Представьте, что в борьбе за свободу нам пришлось бы вооружиться мечами и вилами вместо бумаги и карандашей.

Леди Солсбери задумчиво разглядывала Люси, пока та помешивала чай.

– А вы, случайно, не задумывались о том, чтобы выглядеть немного привлекательнее? Казаться менее дерзкой, менее радикальной, менее старомодной? Тогда, возможно, вас не воспринимали бы в штыки?

Люси вяло улыбнулась. Как тут не задумаешься, если на это намекают постоянно?

– Если бы модная одежда и очаровательные улыбки обладали значительным влиянием, наши банкиры, герцоги и политики наверняка расхаживали бы безупречно одетыми и улыбались подобно Чеширским котам. Вот только этого не происходит.

– Верно. Однако одинаковое оружие в руках мужчин и женщин – уже не совсем одинаково, – мягко возразила леди Солсбери. – Понимаете, любая женщина, в открытую рвущаяся к власти, воспринимается вульгарной, а вот если она при этом внешне привлекательна... Это сбивает с толку демагогов.

– Мэм, я опасаясь, что сама идея о том, что женщина, как замужняя, так и одинокая, является личностью, по сути своей настолько радикальна, что не важно, каким способом я ее презентую. Она в любом случае будет воспринята с недовольством.

Нет, больше чем с недовольством. Она будет воспринята как откровенный вызов, несущий угрозу. Ведь если женщину признать личностью по праву рождения, любой придет к выводу, что она также обладает разумом и сердцем и, соответственно, имеет собственные потребности. Однако непрестанно приносящая себя в жертву мать или жена не может иметь собственных потребностей. Не это ли упорно вдалбливает в нас популярная поэма Пэтмора⁵: «Мужчине радость доставлять – вот радость высшая для женщин...»?

– Отвратительные политические игры, – повторила графиня, качая головой. – Вижу, как они вас измучили. Вы выглядите ужасно усталой. Возьмите еще печенья.

– Прошлой ночью я читала письма и потеряла счет времени, – созналась Люси. – А может, просто старею. – Последняя фраза сорвалась с ее губ непреднамеренно.

Графиня откинулась назад; ее брови поползли вверх:

– Стареее? Тогда я уже практически мертвая? Нет, дорогая, поверьте на слово действительно старой женщине: вы находитесь в прекрасном возрасте. И определенно слишком молоды для морщин на лбу. Скажите, у вас есть особый друг?

Люси сдвинула брови:

– У меня есть три близкие подруги. Во время учебного семестра они проживают здесь, в отеле, на первом этаже.

⁵ Ковентри Керси Дайтон Пэтмор (1823–1896) – британский поэт и литературный критик, автор популярной поэмы *The Angel in the House* («Ангел в доме»). Термин «ангел в доме» олицетворял женский идеал Викторианской эпохи и впоследствии подвергался яростной критике со стороны феминисток.

– Чудесно. – Леди Солсбери отпила маленький глоток чаю. – Однако я имела в виду другое: есть ли у вас спутник жизни?

Ого! Люси смущенно потупилась:

– Нет.

– Заметно.

– Я руковожу кампанией против Закона о собственности замужних женщин. Сомневаюсь, что мне будут доверять, если я выйду замуж.

Леди Солсбери пожала плечами:

– Миллисент Фосетт замужем, а она пользуется большим уважением среди наших соратниц.

– Полагаю, тут дело в том, что муж Миллисент стал суфражистом задолго до их знакомства, – пробормотала растерявшаяся Люси. В своем текущем состоянии независимой женщины Люси чувствовала себя редкой птицей. У нее есть скромный, однако надежный доход, плюс к тому она не принадлежит ни отцу, ни мужу. Обычно женщина могла получить такую свободу, лишь овдовев. Почему леди Солсбери решила, что она откажется от этого?

– Я ни в коем случае не имею в виду некий формальный союз. – Леди Солсбери наклонилась к собеседнице. В ее глазах танцевали заговорщические искорки. – Я имею в виду сердечного друга, как это называлось в мое время. Любовника.

Любовника?

Люси с подозрением уставилась на чашку в руке графини. Неужели она предпочитает на завтрак шерри?

Леди тихонько рассмеялась:

– Ну надо же! Я вас напугала? Уверена, вам известно, какое удовольствие иногда можно получить от мужчины. Жизненно важно разграничивать свою личность и политику. И разумеется, вы *не старая*. Смотрите, даже покраснели при одном упоминании о любовниках.

У Люси пылали щеки. Разговор начинал выходить за рамки приличия. И кроме того, почему-то перед мысленным взором сразу возникло надменное и скучающее лицо Тристана...

Леди Солсбери потянулась через стол и похлопала Люси по руке:

– Не берите в голову. Одиночки – самые храбрые; так было всегда. Надеюсь, мы сумеем приобрести этот издательский дом. Знайте, мы в вас верим. Вы идете впереди и освещаете путь всем нам.

– Да, – рассеянно ответила Люси. – Я сделаю все, что в моих силах.

– Бог свидетель. Жаль, при моей жизни ничего не изменится, – вздохнула леди Солсбери. – Но я возлагаю большие надежды на Афины... Когда имеешь цель, это придает сил. Мой адвокат до сих пор думает, что я потратила деньги на очередную коллекцию шляпок. – Она с ехидцей засмеялась. – Откуда мужчине знать, сколько шляпок нужно женщине?

У входа в апартаменты Хэтти на первом этаже отеля обычно дежурил ее личный охранник, мистер Грейвс. Однако сегодня в тени притаились сразу двое мужчин совершенно неприглядной наружности, изображавшие из себя лакеев. Ну конечно. Аннабель тоже пришла с сопровождающим. Брак с герцогом имеет свои недостатки. Надо благодарить Монтгомери уже за то, что он вообще позволил молодой жене продолжить изучение античной литературы.

Люси бесшумно пересекла коридор, устланный плотной ковровой дорожкой, и поразилась встретившей ее тишине. Сквозь открытые распашные двери в гостиную виднелась милая картина: люстра из венецианского стекла заливают ярким светом низкий чайный столик и канапе вокруг него, на столе возвышаются многоярусные блюда с лимонными пирожными и

сконами – как ни удивительно, еще осталось несколько штук, – а подруги теснятся рядышком на желтом канapé. Три головы – рыжая, черная и каштановая – склонились над журналом. Вот и причина молчания! Даже слышно, как дрова потрескивают в камине. А над камином висело широкое полотнище с животрепещущим лозунгом:

Внесем поправки в Закон о собственности замужних женщин!

Чтобы найти место для полотнища, пришлось потеснить один из вездесущих портретов пожилого господина в напудренном парике. Сейчас джентльмен стоял, прислоненный к буфету, готовый вернуться на место в случае визита родителей Хэтти – семья состоятельного банкира не одобряла общественную активность дочери. Вместе с Хэтти в отеле проживала сопровождавшая ее везде двоюродная бабушка, однако та была слишком близорука, чтобы обратить внимание на подмену. По-видимому, тетушка как раз прилегла вздремнуть, дав возможность девушкам бесстыдно засидеться в гостях дольше положенных для светского визита пятнадцати минут.

«Какое необычное место – Оксфорд», – подумала Люси, глядя на подруг. С какой легкостью университет объединил на одном диване наследницу банкира, которая занималась живописью, юную леди из Шотландии, помогавшую в научной работе отцу-профессору, и дочь викария – ныне герцогиню, – изучающую античную литературу!

– Боже, Люси, ты нас напугала! Явилась молча, как привидение! – Хэтти вскочила с дивана. Ее рыжие локоны выбились из прически и рассыпались по плечам.

– Контракт пока что не утвержден, – поторопилась объявить Люси.

Аннабель и Катриона, которые тоже начали вставать, снова рухнули на канapé.

– Это правда ты, а не привидение? – Аннабель сверлила Люси своими зелеными глазами.

– А кто же еще? – Люси забралась на диван с ногами, совершенно неподобающим для леди образом. – Как я понимаю, правление обнаружило мое имя в официальных документах консорциума, и теперь они подозревают, что я намерена использовать «Лондонский печатный двор» в преступных целях. Вот и посоветовали мистеру Барнсу не продавать нам свою долю.

Хэтти, которая как раз наливала подруге чай, замерла. Ее круглые карие глаза округлились еще больше:

– Неужели он их послушается?

– Он человек робкий.

– Так что нам делать?

Люси еле заметно пожала плечами:

– Что и всегда. Ждать.

Катриона сняла очки и озабоченно оглядела подруг голубыми глазами.

– Не вини себя. – Ее шотландский выговор стал еще более певучим, как всегда случалось от переизбытка эмоций. – Мы обсудили все варианты, и поставить во главе предприятия тебя был наименее плохим.

– Ну спасибо, – скривилась Люси. По правде говоря, после недавнего визита к мистеру Барнсу она втайне подумывала: а не был ли их план слегка опрометчив? Когда ей впервые пришлось в голову купить издательство, чтобы опубликовать суфражистский доклад, направленный против Закона о собственности замужних женщин, сама идея показалась ужасной. И все же, если ты ставишь перед собой великие задачи, порой нужно применять тяжелую артиллерию. К сожалению, легко погрязнуть в текущих проблемах. Например, собрать Инвестиционный консорциум в условиях серьезных ограничений и проработать юридические вопросы – вместо того чтобы досконально продумать возможные последствия. Погубленная репутация и утрата доверия к и без того непопулярному суфражистскому движению – лишь немногие из рисков. Эти риски с легкостью проигнорировали, когда месяц назад неожиданно открылась возможность приобрести долю в подходящем издательстве. Однако теперь, балансируя между победой

и непредвиденным поражением в самый последний момент, Люси осознала всю авантюристность своего плана. *Я немного обеспокоена*, хотела она сказать подругам. *Я беспокоюсь, что откусила больше, чем смогу прожевать*. Разумеется, ничего подобного она вслух не произнесет. От нерешительного лидера толку мало.

Люси повернулась к Аннабель:

– Наверное, зря я пригрозила Барнсу возможным гневом со стороны Монтгомери. Понимаю, сейчас не то время, чтобы использовать твоё имя в потенциально скандальных мероприятиях, но мне показалось, что это последний шанс.

Герцог Монтгомери был очень влиятелен, однако несколько месяцев назад, после женитьбы на Аннабель, его положение в свете пошатнулось – верхние десять тысяч предстателей высшего сословия не одобрили его решение взять в жены дочь викария, а также смену политических предпочтений. С тех пор он почти перестал бывать в свете.

– Не думаю, что это нам навредит, – ответила Аннабель. – К тому времени, когда доклад будет опубликован, мы подчистим все следы моего участия.

– Ты слишком великодушна.

Аннабель *великодушно* наклонила голову. В её волосах цвета красного дерева заискрилась радуга – драгоценный камень в заколке отразил свет люстры. Поразительная особенность герцогов – никакой скандал не в состоянии нанести им ущерб!

Тем временем Хэтти наложила себе полную тарелку пирожных и сконов.

– А леди Солсбери что-нибудь посоветовала?

Да. Посоветовала мне завести любовника, чтобы убрать с лица морщины.

– Ничего особенного. Я должна меньше походить на себя и стать образцом женственности, чтобы придать нашему движению большую привлекательность. – Люси ухватила кон и принялась крошить его между пальцами. – Что не перестает меня озадачивать. Понимаю, в нашем узком и, осмелюсь сказать, свободном от предрассудков кругу легко забыть об этом, однако факт есть факт: после замужества по закону у нас остается не больше прав, чем у детей и заключенных, то есть не остается совсем. А еще, – добавила она, игнорируя возмущение Хэтти по поводу уничтоженного скона, – а еще есть люди, уверенные, что если носить модную одежду и быть приятной для всех, то это принесет пользу. Согласна, красота может сохранить мир, но как она поможет выиграть войну?

Обе подруги – и Аннабель, знающая все о войнах в античном мире, и Катриона, знающая все обо всем, – уставились на нее с некоторым изумлением. Отлично. Люси сделала глубокий вдох. Она ощущала странное волнение. Где-то на задворках разума рыскали неопределенность в вопросе приобретения «Лондонского печатного двора» и появление Тристана под ее окнами прошедшей ночью. Люси даже подумывала рассказать подругам о предстоящей встрече с ним в «Блэкуэллз»... Не стоит, ведь Баллентайн вообще не должен быть предметом ее интереса.

– А если заслуги привлекательности не преувеличены? – задумалась Хэтти. – Капля камень точит. Кажется, это еще Овидий говорил.

– Верно, – подтвердила Аннабель.

– Вот только на это потребуется тысяча лет, – усмехнулась Люси.

– Капля камень точит, а нам пока ничто не мешает выглядеть модными, – невозмутимо продолжила Хэтти. – Если ты хочешь испробовать на себе стратегию леди Солсбери, следует начать с присутствия на светских мероприятиях. Кстати, мы как раз говорили о вечеринке в доме Монтгомери. – Она ослепительно улыбнулась: – Будет потрясающе, если ты к нам присоединишься! Хоть раз, в виде исключения?

Люси хлопнула глазами:

– Я не посещала светские мероприятия после инцидента с испанским послом и вилок.

– Значит, самое время посетить! Вместе отправимся покупать платья! – Хэтти подтолкнула к Люси журнал мод, который подруги изучали перед ее приходом. Обложка демонстрировала женщину в неправдоподобно узкой юбке и в крошечной шляпке.

– Домашняя вечеринка? – удивилась Люси. – Когда положение Монтгомери настолько шатко?

– Кому-то может показаться, что мы поспешили, – призналась Аннабель. – Впрочем, в Клермонт напросился принц Уэльский, чтобы принять участие в охоте на куропадок. И мы решили пригласить его на домашнюю вечеринку в качестве почетного гостя.

– Более чем разумно, – кивнула Хэтти.

Еще как разумно! Если ожидается присутствие принца Уэльского, то даже оппоненты Монтгомери не рискнут отклонить приглашение; возможно, кто-то пошлет вместо себя сына, тем не менее каждое влиятельное семейство будет представлено. А сам принц, возможно, решил поохотиться, чтобы досадить Ее Величеству королеве, которая крайне недовольна безнравственным поведением сына. В любом случае Монтгомери будет реабилитирован.

– Спасибо за приглашение, – поблагодарила Люси герцогиню. – Однако, если Монтгомери хочет замять скандал, мое присутствие среди гостей может быть нежелательным.

Аннабель покачала головой:

– Честно говоря, на вечеринке я буду нуждаться в подругах. Все остальные лишь рвутся увидеть, как выскочка, поднявшаяся по социальной лестнице, в чем-нибудь да проколется.

Черт возьми! Совсем не подумала, что Аннабель потребуется дружеская поддержка!

Хэтти кокетливо подмигнула:

– А что, первая вечеринка Аннабель в качестве хозяйки Клермонта будет достойным поводом для визита к модистке!

Как художница и как романтическая девушка, Хэтти имела твердое мнение по поводу расцветок, фасонов и стиля; за ее вздернутым носиком и улыбчивостью таилось упрямство, намного превосходившее способности Люси выдерживать словесные баталии.

– Хэтти, я не отрицаю, что внешний шарм – своего рода оружие в руках леди. Я лишь возражаю против утверждения, что это единственное оружие, которое мы можем применять публично, не рискуя навлечь на себя придирки...

– ...и отказ от его использования – это вызов. Знаю, знаю, – перебила Хэтти. – И все же я предпочитаю выбирать *свое* оружие, а старомодные одеяния к нему не относятся. Тебе повезло, у тебя нет матери, которая подбирает тебе платья! Ты можешь выбирать сама!

– У меня куча платьев.

– Твои платья хороши, – неубедительно проговорила Хэтти. – Но они какие-то... серые.

– И что?

– И еще они... одинаковые.

– Зато я экономлю полчаса ежедневно, потому что мне не нужно думать, что с чем сочетается.

Кроме того, серый цвет очень практичен для женщины, повседневные занятия которой способствуют появлению пыльных разводов и чернильных пятен на одежде. Одежде, которую они с миссис Хит каждую субботу тщательно отстирывают. Люси поймала утомленный взгляд Катрионы; несомненно, Хэтти и ее помучила. Наследница шотландского графа, Катриона уютнее всего чувствовала себя, завернувшись в старую шотландскую шаль клана Кэмпбеллов, уложив волосы в некрасивый пучок и нырнув с головой в какой-нибудь византийский пергамент. Бедная Хэтти!

Не прошло и двадцати секунд, как девушка вскинула руки вверх и воскликнула:

– Лимонный! Тебе к лицу лимонный цвет. Для утреннего платья, к примеру. А розовато-лиловый, светло-голубой и зеленовато-голубой – для прогулок. Будет очень элегантно. В крайнем случае пригласенный светло-серый, но не этот ужасный оттенок сланцевой крыши.

Для вечернего платья замечательно подойдет светло-вишневый. А для появления на балу... Как насчет алого? Никаких вычурных фасонов, только простой покрой; я бы порекомендовала добавить чуть-чуть мягкости при помощи плисовой отделки. Я серьезно, Люси, у тебя такой потенциал!

– Ты сразила меня наповал, дорогая!

– Будь бдительна, если пойдешь с ней за покупками, – вмешалась Аннабель. – В прошлый раз я позволила ей выбрать для себя вечернее платье и оскандалилась, явившись на бал в пурпурном!

Хэтти надула губы:

– Зато герцог безнадежно влюбился в тебя и сделал герцогиней. Ну да, я ужасная подруга.

Люси взглянула на высокие часы с маятником и с волнением поставила чашку на стол.

Пусть ей нет дела до Тристана, однако нужно прийти подготовленной.

– Хэтти...

– Да? – В глазах подруги немедленно вспыхнула надежда.

– Я бы хотела расспросить насчет лорда Баллентайна...

Шокированная Хэтти закрыла рот ладонью:

– *Тот самый* лорд Баллентайн, великий распутник?

– Тот самый. Недавно получил Крест Виктории.

– Неужели?

– Какой геройский поступок он совершил? Ты знаешь?

– Разумеется, – несколько обиженно заявила подруга. – Он бросился навстречу опасности, вместо того чтобы убегать от нее.

– Так поступает любой солдат.

Хэтти негодуяще затрясла головой:

– Очевидно, он совершил нечто большее. Как я поняла, его батальон попал в засаду. Их прижали к отвесной скале, где едва можно было укрыться, а капитана ранили.

Уголки губ Аннабель опустились:

– Ужасно.

– Более того, солдаты не смогли вытащить капитана; место, где он лежал, находилось на линии огня. И все понимали, что скоро их тоже перестреляют одного за другим. Потому что толком не могли разобраться, откуда их атакуют.

На лице Катрионы явственно читалось недоверие:

– Однако же лорд Баллентайн вырвался из ловушки?

Хэтти раскраснелась:

– Вероятно, здесь вмешался случай. Лорд Баллентайн отстал от всех. Ходят слухи, отлучился без разрешения. – Девушка понизила голос до шепота: – Он решил искупаться в ближайшей реке... нет, в газетах об этом не писали, но я слышала от миссис Хиткот-Гоф, он даже был не полностью одет, когда случился инцидент.

– Типично для него, – пробормотала Люси.

– Лорд Баллентайн, услышав выстрелы и находясь в негодном виде, наобум бросился искать место, откуда их атаквали, и подкрался к нему с тыла. Затем он начал стрелять и уничтожил столько нападавших, сколько мог, имея лишь один револьвер, а когда закончились патроны, бросился на оставшихся врагов и победил их в ближнем бою. Затем, пытаясь вытащить капитана, он получил пулю в плечо от затаившегося врага, которого в спешке недобил.

– Какая беспечность, – добавила Люси. – Тоже типично для него.

Хэтти осуждающе покачала головой:

– Он спасал жизни, Люси. Он закрыл капитана своим телом, а тем временем его товарищи сплотились и разгромили нападавших. Затем он, раненый, отвел солдат в безопасное место,

через занятую врагом территорию... И все равно, – заявила она, – лорд Баллентайн – негодяй, потому что приставал к Аннабель на новогоднем балу.

– Определенно негодяй, – с мрачным видом кивнула Аннабель. – Герой и мерзавец в одном лице.

– И своим поведением побудил Монтгомери объявить о своих чувствах, – предположила Хэтти.

– В некотором роде да, – покраснела Аннабель.

Как Люси ни старалась, она все равно не смогла прогнать из головы образ кровожадного и полуобнаженного негодяя Тристана Баллентайна – пока не пробили часы, известив ее, что пора отправляться на встречу с тем самым негодяем.

Глава 6

Утро сменилось днем, и на улице потеплело. Не было ни намека на ветерок, который охладил бы на удивление разгоряченное лицо Люси. Она остановилась перед эркерами магазина «Блэкуэллз» и, заметив бордовый пиджак Баллентайна, почувствовала смутное раздражение. Ее бросило в пот. Пиджак молодого человека светился под лучами летнего солнца, как случайно прикатившийся откуда-то каштан, а вот его владелец выглядел на удивление спокойным и собранным. Она понаблюдала за ним некоторое время, потому что Тристан заметил ее не сразу.

Уголки губ Тристана поползли вверх, когда Люси возникла прямо перед ним. Он поднял цилиндр:

– Миледи.

Солнце играло на его ярко-рыжей шевелюре. В толпе прохожих одна из женщин ахнула от восторга.

– Я выкроила лишние полчаса, – сообщила Люси.

– Это идеально вписывается в мое сегодняшнее расписание.

Он возвращается в Лондон, сообщила Люси. Она поднялась на три ступеньки и вошла в магазин.

В жарком и тускло освещенном помещении десятки голов повернулись к ней – в основном бледные студенческие лица с расширившимися за стеклами очков глазами. Слишком многие в этом городе знали Люси, а возможно, знали и Тристана. Каждый ощутил себя свидетелем сенсационного явления. Еще бы – леди Люси Тедбери подцепила отъявленного лондонского повесу! Причем «подцепила» почти в прямом смысле слова. Тристан двигался за спиной Люси, чуть не налетев на нее, после того как спутница внезапно остановилась. Люси окутал его запах – теплый, будоражащий и очень знакомый. Она могла бы с закрытыми глазами вычислить его среди толпы.

Кофейня на втором этаже была не просторнее магазина на первом и обычно вмещала человек десять, которые рассаживались за несколькими столиками вокруг нерастопленного камина. Сейчас Тристан и Люси были здесь одни. В жаркие дни студенты, за исключением помешанных на учебе чудаков, находящихся сейчас на первом этаже, либо валялись в кровати, либо выпивали и шли кататься на лодках по реке Черуэлл. Тристану явно было известно, где найти поблизости уединенное место.

Он подошел к окну и подвинул для Люси стул. Она вдруг ощутила себя дикобразом и невольно выставила колючки, потому что Тристан нацепил на себя слишком невинное выражение лица, наверняка чтобы ей понравиться, – никаких плотоядных взглядов и самодовольных ухмылок.

– Кофе, – бросил он официанту, который спешил к их столику со свежей белой скатертью. – С молоком и тремя кусочками сахара для леди, черный для меня. Если, конечно, – он взглянул на Люси, – твои вкусы за эти годы не изменились.

Несколько секунд она боролась с искушением сказать, что вкусы изменились. Выходит, в прошлой жизни, еще в Уиклифф-холле, кое-кто шпионил за ней во время завтрака.

– Да. С молоком и тремя кусочками сахара, – пробормотала она.

Столик был очень мал. Если посмотреть со стороны, казалось, что кофе пьют добрые друзья – их колени под скатертью находились в опасной близости.

С такого расстояния Люси видела изменения в лице Тристана, которые в прошлую встречу, два дня назад, скрывала темнота. Даже спустя несколько месяцев после возвращения в Англию его кожа сохранила медовый оттенок, выдававший человека, прошагавшего много миль под чужим жарким солнцем. Появился первый намек на горизонтальные морщины над

бровями. Под глазами проступили едва различимые фиолетовые полукружья, словно от недосыпания. Ничто из этого не умаляло его красоту – только придавало ей своеобразный лоск. Кое-что все же изменилось, и Люси потребовалось несколько секунд, чтобы распознать отсутствие бриллиантовой серьги в ухе. А может, тогда она ей просто привиделась? Неужели Баллентайн не только стал старше, но и повзрослел? Она невольно подумала, что наверняка время наложило отпечаток и на нее саму.

– Выглядишь чудесно, Тедбери, – вежливо произнес Тристан, словно ее мысли отпечатались на лбу. – Могу я сделать комплимент? Цвет лица у тебя все тот же, как прежде.

– Лучше бы не делал. И вот что: прежде чем обсуждать с тобой какие-либо вопросы, я должна знать – что ты замышлял в отношении графини Монтгомери на новогоднем балу?

Он вытаращил глаза:

– Ты о чем?

– Новогодний бал у Монтгомери. Слышала, ты пытался уговорить герцогиню прогуляться в компании с тобой после танца.

– А-а... Она была тогда мисс... «простушка из деревни», не более того.

– Ответь на вопрос.

В глубине его взгляда зародилась какая-то эмоция.

– Будь я из тех, за кого ты меня принимаешь, разве я сказал бы правду?

– Я в любом случае распознаю ложь.

Он саркастически усмехнулся:

– Сомневаюсь.

– Все. С меня хватит!

Прежде чем Люси успела вскочить на ноги и выполнить свою угрозу, Тристан уперся локтями в стол и наклонился ближе. Его глаза устрашающе вспыхнули.

– Я не форсирую свое внимание к женщинам, – тихо ответил он. – Никогда.

Люси никогда не видела его настолько раздосадованным – апатию как ветром сдуло. Она против своей воли остановилась.

– Тогда почему ты настойчиво уговаривал ее пойти с тобой?

Он пожал плечами:

– Да я толком не помню. Было ужасно тоскливо. Возможно, мне показалось, что она скучает без кавалера и ей нужно помочь. Правила приличия проникли в средний класс и чрезвычайно распространились там – в ущерб их же удовольствию. И это не значит, что я позволил бы себе вольности вопреки ее желанию.

– Ты самонадеянный хам. Заявлять, что сделал ей одолжение!

– Ну да. Кто бы знал? Увидев будущую герцогиню в моих руках, Монтгомери принял это за посягательство на свою территорию, и я счел благоразумным отступить, пока он не приказал кому-нибудь из слуг проткнуть меня шпагой прямо на паркете танцевального зала.

По глазам невозможно было определить, лжет ли он. Чем больше Люси вглядывалась в непроглядную смесь янтарного и зеленого, тем больше размывался окружающий мир. Она специально наклонилась ближе, чтобы ощутить дыхание Тристана, напоминающее прикосновение бархотки к щеке. Невольно взгляд переместился к его левой скуле. Когда-то давно в Уиклифф-парке там отпечатался отпечаток ее ладони. Тогда она дала Тристану пощечину под воздействием жуткой беспомощности, причиной которой был совсем не он...

Официант резво вбежал в зал и внезапно притормозил, увидев почти интимно соприкасавшиеся над столом головы посетителей. Люси отклонилась назад, давая ему возможность поставить перед ними две дымящиеся чашки.

Она взяла ложечку и принялась яростно размешивать сахар.

– Что привело тебя в Англию?

Тристан напоследок взглянул на нее оценивающе, затем расслабленно откинулся на спинку стула.

– Я покончил с военной карьерой.

– Уже?

Даже не дослужился до капитана, хотя пора бы – после шести лет в армии! С другой стороны, если верить слухам, его недисциплинированность – плескался в реке, в то время как боевые товарищи попали под обстрел, – стала систематической проблемой; удивительно, что он не был с позором уволен из армии еще задолго до того происшествия.

Тристан улыбнулся, несколько удивленный:

– После Креста Виктории стремиться не к чему, Люси.

Справедливое замечание. В этом все и дело. Он был удостоен высшей военной награды в стране. Мужчины в роду Баллентайнов всегда демонстрировали на поле боя чудеса храбрости. Недаром их фамильный девиз – «Сила и доблесть». Старший брат Маркус делал стремительную карьеру на флоте, пока несчастный случай – падение с лошади – трагически не оборвал его жизнь.

Люси уставилась на левую руку Тристана, небрежно охватившую кофейную чашку. Мизинец украшал перстень-печатка дома Рочестеров; рубин поблескивал, словно крупная капля крови. Похоже, это и есть реальная причина увольнения из армии: последний в роду наследник титула, он не вправе рисковать жизнью на передовой. Теперь его главная обязанность – гарантировать продолжение рода и быстро усвоить все то, чему предыдущий лорд Баллентайн учился с колыбели. Она задумалась: а что, если горе стало причиной морщин на его лбу? В свое время их матери были близкими подругами; не исключено, что они и сейчас тесно общаются. Наверное, уместно, не выходя за рамки этикета, осведомиться о здоровье леди Рочестер и даже самого Тристана. Вот только подобные расспросы могут неожиданно пробудить нежелательные воспоминания и чувства. Более того, сейчас она сидит с Тристаном за одним столом, потому что он явно замышляет какую-то пакость. *Герой и мерзавец в одном лице*. Сегоднешней встрече, совершенно очевидно, способствовала худшая сторона его личности.

– Перейдем к делу. Кто тебе доложил, что я являюсь экспертом в издательском бизнесе?

Его губы скривились в усмешке:

– Мой адвокат. Каждый месяц он упорно читает мне лекцию о состоянии британской экономики. В настоящее время мы, предположительно, обеспечиваем более двадцати процентов мирового товарооборота. А ты занята покупкой издательского дома.

У Тристана есть адвокат. Кто бы мог подумать! Люси вздернула подбородок:

– И чем ты объяснишь внезапную вспышку интереса к женской читательской аудитории?

Он взял в руку ложечку.

– Более занятный вопрос: а что вызвало *твой* интерес?

Она сдвинула брови:

– Что ты имеешь в виду?

Тристан вновь принялся играть с ложечкой, вертя ее в руках, как ребенок, и любясь своим перевернутым отражением.

– Любопытное сочетание, не правда ли? Женщина твоих взглядов и твоих амбиций приобретает контрольный пакет в одном из известных британских издательств, выпускающем женские журналы. Причем *высококонравного содержания*.

Люси погрузилась в странное оцепенение, словно кролик, неожиданно натолкнувшийся на опасного хищника.

Ему что-то известно?

Нет. Он ничего не знает, а если бы и знал, то не считал бы заслуживающим внимания.

Тристан оторвал взгляд от ложечки. Его глаза были холодны и полны решимости.

Люси едва не бросилась наутек. Она на миг ощутила Тристана внутри своей головы; его взгляд проник туда так же легко, как свет проникает сквозь хлопковую ткань. И должно быть, Люси сделала непроницаемое лицо на долю секунды позже, чем требовалось, не распознав намерений своего собеседника по блуждающей улыбке, совсем не дружеской.

Она заставила себя растянуть губы и спокойно ответила:

– Ничего удивительного. У меня разносторонние интересы. Как видишь, я могу бороться за политические права женщин и одновременно не упустить удачный шанс в бизнесе. По сути, мои интересы взаимосвязаны – суфражистское движение весьма затратное предприятие. И кстати, отнимает много времени. А сейчас я впускаю трачу его с тобой.

Тристан наклонил голову:

– Тогда перейдем к делу. Допустим, я планирую опубликовать книгу. Как лучше издать ее: под именем анонимного автора, или Джона Миллера, или лорда Баллентайна?

Его неторопливость позволила Люси взять паузу.

– Как я понимаю, вопрос не риторический. Ты эту книгу уже написал.

Он кивнул:

– Вопрос в том, как повлияет мое имя или, точнее, присущая ему репутация на продажи книги. Оно может либо привлечь, либо отпугнуть женщин-покупательниц. Однако инстинкт подсказывает, что дамы скорее потратят деньги на меня, чем, как говорится, «на булавки».

– Ты спрашиваешь, захотят ли женщины купить что-то не ради интересной тематики или хорошего качества, а лишь потому, что на обложке стоит твое имя?

От ее скептического тона у Тристана брови поползли вверх:

– Содержание и качество на высоте, но да.

– Нелепо! Ты не такой законченный негодай, чтобы обратить это в пользу.

– Нет, это своего рода вызов. Однако допустим, что книга существует, уже опубликована и принесла прибыль. И я намереваюсь выпустить новое издание под именем Баллентайна.

– Уже опубликована, – эхом повторила Люси. У нее начало стучать в затылке. Ощущение не из приятных. – Кстати, в каком жанре книга? Военные дневники?

– Нет. – По его лицу промелькнуло удивление. – Предположим, стихи.

– Стихи.

– Да.

– Военные стихи? – снова попыталась угадать она.

Тристан снова помедлил:

– Нет. Романтическая поэзия.

Кожу начало покалывать, словно от пореза тупой бритвой. Вот ведь ирония – он был честен с ней по поводу поэзии и своей заинтересованности в ее мнении, а она, в свою очередь, оказалась права, распознав в его словах долю неискренности. Люси, ты сообразительна, как кошка. А сама почти не способна на неискренность, и, несмотря на все битвы, в которых она участвовала, любой может назвать ее наивной. Тристан только что прочел Люси как открытую книгу – черта с два она купит «Лондонский печатный двор» исключительно ради бизнеса!

Тристан схватил чашку и глотнул кофе, не ощущая вкуса. Эта женщина взяла в привычку усложнять ему жизнь. Да и свою тоже. Две морщины, строго застывшие между ее изящными бровями, вызвали у Тристана необъяснимое желание разгладить их – даже большой палец задержался. Наверняка Люси до сих пор считает, что ей по силам развести голыми руками все мировые проблемы, потому что справедливость на ее стороне. Такие взгляды сами по себе уже источник бесконечной неудовлетворенности. В свою очередь, Тристан мог бы позавидовать

чистоте ее помыслов и устремлений. Невозможно представить, чтобы *она* проснулась утром и паялилась в потолок, размышляя, куда сегодня пойти!

– Романтическая поэзия, – фыркнула Люси презрительно, словно считала поэзию не серьезнее детского стишка. Таким тоном можно было уничтожить любого «ремесленника от пера»; вообще-то у поэтов чувствительная душа. Однако, успешно преодолев чувство обиды и заодно лишившись части своей энергии, Тристан почувствовал лишь, как пробудился его мужской инстинкт: ему не терпелось поднять перчатку. Мысли приняли неверное направление – да еще прямо в кофейне, в публичном месте; сценарий, в котором он одерживал победу над Люси Тедбери, неминуемо заканчивался тем, что в воображении она представляла обнаженной – прекрасное тело пылает от страсти, а язычок занят не спором с противником, а кое-чем иным... Глаза Люси расширились, и Тристан понял, что он постанывает.

– Кофе... Не в то горло попал.

За спиной возникла какая-то суматоха.

В дверях чайной, возбужденно хихикая, переминались три молодые девушки. Он приметил их еще раньше, когда те поднимались по лестнице, перешептываясь и хихикая. Наверное, сидели молча где-нибудь в уголке, а теперь решились выйти на свет. Судя по всему, продавщицы. Розовощекие и слишком молодые, чтобы гулять без сопровождения. Заметив, что Тристан их разглядывает, они попытались боязливо спрятаться друг за дружкой.

– Доброе утро, красавицы. Чем мы можем вам помочь?

– Лорд Баллентайн!

Девушки синхронно двинулись к его столику, благоухая ароматом ландыша. Наконец самая храбрая выступила вперед и сделала реверанс, держа руки за спиной:

– Мы увидели, как ваша светлость входит в магазин...

– Продолжайте, не бойтесь.

Сияющие глаза никак не сочетались с застенчивым тоном. Люси присмотрелась внимательнее.

– Надеюсь, вы не откажетесь подписать для нас вот это, – произнесла рыженькая. Ее крошечный носик усеивали соблазнительные веснушки.

Мило! Люси сидит на расстоянии вытянутой руки, а Тристан уже решил спровоцировать ее и флиртует напрапалую!

Рыжая девушка что-то ему протянула. Открытка, размером с валентинку; за свою жизнь он повидал таких вагон и маленькую тележку благодаря легионам поклонниц. Вот только на сей раз темой открытки был он сам. Кто-то вырезал из газеты со статьей о вручении Креста Виктории его фотографию – в военной форме, доблестно озирающего окрестности, – приклеил на открытку и добавил рамку из тесьмы. Даже глаза подкрасили синим карандашом. А рядом была изображена маленькая лохматая *собачка*, выглядевшая так, словно сейчас тявкнет и укусит за ногу.

– Это же... – скосил глаза он. – Это...

– Это *баллентинка*, – объявила первая девушка.

– Вижу, – вежливо ответил Тристан. – Очень мило.

– Правда чудесно? – проворковала другая девушка.

– Если вы согласитесь подписать ее, милорд, она будет еще более ценной.

– Так их что... много? – выдавил из себя Тристан.

Три головки энергично закивали.

– Это сейчас очень модно, – сказала рыженькая. – Есть и другие герои, которых девушки любят приклеивать на открытки, но ваша светлость по популярности обошли всех. За открытку с вами дают двух других героев. Или даже больше, если без тесьмы.

– Но ваши мы никогда не продадим, – поспешно добавила лидерша. – Это талисман. На счастье.

Тристан счел за лучшее не вникать в подробности.

Он полез в карман пиджака и достал ручку. Подписал открытку с собакой и еще две такие же нелепые. Девушки все это время стояли затаив дыхание, а потом удалились, не переставая хором ахать. После них остался только шлейф весенних ароматов.

Тристан медленно повернулся к Люси.

В ее глазах плясали задорные огоньки.

– Ну и ну! – сочувственно произнесла она.

– Ну и ну, – мрачно отозвался он.

Уголки ее рта дернулись:

– Вот исчерпывающий ответ на твой вопрос. Со своей стороны я бы рекомендовала подумывать насчет военных дневников, однако романтическая поэзия под твоим именем и в самом деле может выстрелить. Хотя ты мог бы просто открыть магазин... – Она не выдержала и расхохоталась; во рту мелькнули маленькие белоснежные зубы.

– Так, значит... – начал он.

– ...магазин, – выдавила из себя Люси сквозь смех, – и продавать... *баллентинки*. Очень прибыльно. Одна по цене двух.

Надо было сказать что-нибудь серьезное, однако Люси демонстрировала такую очаровательную невоспитанность, громко смеясь на публике. И к несчастью, предметом ее ликования был он сам.

– Не забудь отделку тесьмой, это повысит стоимость, – выкрикнула Люси последнее напутствие и, взглянув на карманные часы, унеслась, оставив его в компании своей пустой чашки.

Тристан допил кофе, криво усмехаясь и делая вид, что ему все равно, однако отсутствие Люси в сочетании с пустотой зала было осязаемым. Окружающий мир опять пришел в движение; уличный шум постепенно нарастал, а Тристан начал замечать внутреннее убранство кофейни. Его разум, обычно многозадачный и умеющий обдумывать несколько проблем одновременно, становился все более холодным по мере того, как обстановка вокруг накалялась; поэтому он был хорошим солдатом, когда это требовалось, и поэтому остался предельно собранным в присутствии Люси, олицетворявшей противоборствующие силы. Спокойствие – недооцененная вещь. Будь у Тристана совесть, он наверняка бы испытал сожаление от того, что совсем скоро смахнет веселость с лица этой женщины.

Глава 7

Поезд из Оксфорда в Эшдаун тащился по рельсам Большой западной железной дороги через Котсуолдс чрезвычайно медленно. За окном тянулись покатые холмы. Старая добрая Англия – невысокие хребты, живописные долины, мелькающие тут и там одинокие сучковатые дубы... Все здешние оттенки казались бледными в сравнении с покрытыми изумрудной зеленью горами Афганистана. После возвращения краски Англии словно потускнели; к тому же за пределами Лондона все было *неспециальным*: обслуживание, стиль мышления, да и сама жизнь. Однако на тот момент, когда Рочестер потребовал от сына женитьбы, аренда апартаментов в районе Сент-Джеймс со штатом прислуги из семи человек стала слишком дорогой, а семейный особняк исключался – там даже стены имели уши. Комнаты, которые Тристан теперь снимал в Оксфорде на Лоджик-лейн у давнего университетского приятеля, обошлись ему относительно дешево, и кроме того, оттуда намного ближе до Эшдауна. Само собой, камердинер ворчал, поскольку на него возложили много новых обязанностей. Так и получилось, что Тристан застрял в Оксфорде, где портные были заурядны, пища однообразна, а распушенность – в пределах средней нормы. Невыносимо скучно, да еще и за расходами надо следить.

Тристан провел ладонью по гладкому шелку жилетки. За границей он часто мечтал о дорогих качественных вещах. Среди жары, насекомых и крови ему мерещились деликатные ткани, от которых не зудит тело, запах свежестыранного постельного белья, вино, насыщенное и мягкое, как бархат...

Нет, лучше снова всего этого лишиться, чем уступить Рочестеру.

Однако маму он не сможет предать так же легко. Не сможет. По сути, у него стало привычкой думать о матери всякий раз, когда предоставлялась возможность самому порвать все связи с Эшдауном. В первый раз Тристан сделал выбор и отказался от намерения уехать в шестнадцать лет; тогда он скопил кругленькую сумму от продажи коротких эротических рассказов своим одноклассникам из Итона и подпольному магазинчику в Уайтчепеле – достаточную, чтобы купить билет на пароход в Америку и арендовать приличное жилье, пока не найдется другой источник заработка. Не то чтобы его прельщала необходимость искать работу или жить среди хамоватых американцев, просто Рочестер и его розги прельщали еще меньше. Но мама... Если он уедет, что будет с ней? Маркус не отличался жестокостью, однако он был любимцем Рочестера и унаследовал его нрав, не вынося ни эксцентричности, ни плохого настроения. Надо признать, и Тристан не выносил ничьих причуд – кроме, разумеется, своих собственных, – но из трех мужчин в семье он единственный выступал больше как защитник, чем как обличитель, когда графиня совершала какие-нибудь глупости. Например, заточила себя дома на весь весенний сезон, чтобы рисовать ежедневно по две посредственные картины в импрессионистском стиле, а потом опомниться, забросить кисти и больше никогда к ним не прикасаться. Конечно, если невозможно сбежать в прямом смысле слова – поскольку люди, подобные Рочестеру, устанавливают свои правила и распоряжаются всеми деньгами, – то можно сделать это в душе. Заняться живописью. Писать стихи. Или удариться в пьянство и беспорядочный секс, пока тебя не сослали на Восток глотать пыль и ползать по грязи на брюхе.

Тристан откинулся на обитое плюшем сиденье. Нужно поработать над книгой, потому что Люси, разумеется, права: военные дневники будут хорошо продаваться. На столике перед ним уже лежал раскрытый блокнот; белый лист так и просил, чтобы автор набросал примерный план и прикинул, какие события включить в историю, а какие лучше оттуда вычистить. Вообще-то поиск нужных слов – чертовски изнурительный труд, даже на пике вдохновения. И уж тем более сейчас, когда оно на нуле. Та война была не его войной, и Тристан не имел желания еще больше связывать себя с ней. К счастью, его закалила и подготовила к армии упорная муштра Рочестера, а в жилах текла кровь нескольких поколений Баллентайнов вместе с их *силой и*

доблестью. И там, где царил хаос, импульсивные решения имели преимущества над долгими размышлениями. Там время от времени он был принужден делать то, что нравилось публике. К примеру, закрыть своим телом раненого капитана, вместо того чтобы пригнуть голову и бежать. Каким же циником надо быть, чтобы делать из этого деньги! До сих пор неприятный привкус во рту. Но чтоб ему провалиться, если он не поступит прагматично и не отредактирует эти дневники. Завтра.

Квадратная глыба сложенного из песчаника Эшдаунского замка в лучах вечернего солнца отливала золотом, подобно медовым сотам. Гостеприимный фасад мог ввести в заблуждение любого ничего не подозревающего посетителя.

Рочестер сегодня в Лондоне – бизнес или какие-то дела в палате лордов, – однако Джарвис, тонкогубый дворецкий отца и по совместительству шпион, не отстанет, непременно будет ходить по пятам. А чтобы попасть в западное крыло замка, требуется пройти через главный холл, мимо портрета Маркуса в полный рост, где с Тристаном происходили забавные вещи. Под неподвижным взглядом карих глаз брата печатка на мизинце увеличивалась в размерах, словно превращаясь в кандалы, и от этого внутри все холодело. Тристан чувствовал между лопатками взгляд Маркуса, пока не достиг главной лестницы.

Легко постучав в дверь, он вошел в спальню матери и на миг остановился, сбитый с толку. Комната была погружена во мрак. Не слышалось ни звука. Не зная Тристан о присутствии матери, он решил бы, что постель пуста.

Он осторожно прикрыл дверь.

– Мама?

Тишина.

Тристан крался в полумраке на ощупь, на случай если в комнате появилось что-то новое – стул или ночной столик, еще не отмеченные на его мысленной карте.

У ближайшего окна он остановился.

– Мама, я открою шторы?

Тристан раздвинул тяжелую парчовую ткань, и на миг замер, ослепленный светом. Затем перед глазами проявился парк, утопающий в нежной зелени начала лета.

За спиной прощуршали простыни.

– Маркус?

Тристан поджал губы и обернулся.

Она лежала на боку, подложив руку под голову, слишком маленькая для огромной кровати.

– Нет. Это я, Тристан.

Мать выглядела усталой, волосы свалились в неряшливый пучок. Седины в них было больше, чем натурального цвета. Неприятный сюрприз.

Она даже не пошевелилась, когда Тристан подошел ближе и сел на стул для гостей.

В нос ударил резкий запах лекарств. Прикроватный столик был уставлен бесчисленными склянками с ядами, которыми ее потчевали. Рядом на подносе чашка супа и кусочек хлеба, нетронутый и засохший.

– Добрый вечер, мама.

– Мой милый мальчик, – ласково проговорила она, ища глазами лицо сына.

Тристан взял ее руку. Пальцы настолько исхудали, что у него по спине пробежал озноб. Сама она, казалось, ничего не замечала.

– Почему ты раньше не приходил?

– Я надолго уезжал.

– Лжешь, – вяло возразила она. – Кэри сказала, ты вернулся перед Рождеством.

– Добросовестная маленькая шпионка, эта ваша камеристка. – Шутка не вызвала у мамы улыбку. Беседовать с ней, когда она в таком состоянии, все равно что говорить с пустотой. Даже мимика на лице едва проглядывалась. Тело женщины находилось в комнате, а вот сама она – нет. Тут любой, даже напрочь лишенный иллюзий человек поверит в существование души; ее отсутствие было явно различимо.

– Почему вы не едите? – спросил он. – Мне следует отругать кухарку?

Ответа не последовало.

Камеристка в письмах скрывала, что дела настолько плохи. А может, он сам отказывался читать между строк?

Тристан более внимательно присмотрелся к склянкам на прикроватном столике. Само собой, настойка опия и еще какие-то микстуры – наверное, очередные «средства от всех болезней». В свое время ей это прописывали от «меланхолии»; да и потом тоже, когда мама стала чрезмерно яркой, безумной версией себя, которая заказывала тридцать новых платьев одновременно или пыталась в одиночку отправиться на пароходе в Марокко. В детстве Тристана пугала каждая из версий. Находиться рядом с ней и Рочестером в эти дни было рискованно – все равно что вычерпывать воду ложкой из тонущей шлюпки.

– Мама, я рассказывал вам, как в Дели гостил у генерала Фостера? Он держит у себя в саду слона. В качестве домашнего животного.

Мама сдвинула брови:

– Забавно. Неужели настоящего слона?

– Самого настоящего. Правда, маленького, еще слоненка. Но однажды он сообразил просунуть хобот в окно кухни, чтобы выпросить угощение.

Сможет ли мама поехать в Индию, к генералу Фостеру? Она выглядит такой хрупкой, что вряд ли выдержит даже поездку в карете. Дружит ли она еще с матерью Люси? Раньше две женщины весело проводили время в одном из сельских имений Уиклиффов. Может, компания подружки пойдет маме на пользу? Однако, даже если женщины до сих пор поддерживают связь, Рочестер вряд ли позволит жене восстанавливать силы где-то вдали от Эшдауна. Тем более теперь, когда он сделал ее предметом торга.

– Слон, – повторила мама. – А как же розы, не вытопчет?

– У генерала свои причуды. Зато он интересный собеседник. Считает себя большим знатоком индуистских богов и готов часами про них рассказывать.

Она нахмурилась еще больше:

– Милый, ты полагаешь, это разумно? Водиться с язычниками, да еще и изучать их богов?

– Вполне, – примирительно ответил Тристан. – Я вернулся, я теперь здесь.

Мимолетный призрачок ее прежней и живой промелькнул в глубине голубых глаз.

– Ты останешься? – прошептала мама.

Тристану хотелось сбежать.

– Только если вы согласитесь поехать. – Он дернул за шнурок колокольчика над прикроватным столиком и попятился. Нужная информация получена; к путешествию мама явно не готова, да и Фостер ее особо не заинтриговал. Надо будет навестить мать в другой раз, когда планы начнут воплощаться в жизнь. Покормить маму с ложечки сможет и прислуга, а он, черт побери, не святой. И еще сегодня ему предстоит с глазу на глаз встретиться с человеком, которого называют Вельзеволом.

Когда Тристан вернулся в Лондон, уже наступила ночь; впрочем, один конкретный уголок города в любое время суток был погружен во мрак. Дом по указанному адресу выглядел роскошно; сейчас его освещали высокие уличные фонари, однако фасад из полированного белого камня с колоннами скрывал задние и подвальные помещения, в которых влиятельные мужчины собирались, чтобы насладиться своими пороками. Пороки вообще властвуют там, где возможности ничем не ограничены.

Когда-то для него это было рутинной задачей – взяться за дверной молоточек, постучать условным сигналом, назвать пароль дюжему охраннику и спуститься по узкой лестнице. Здесь, в самом сердце Лондона, Тристан прошел через содом и гоморру. Не будь он приверженцем поэтов с их возвышенными и правдивыми строками, скверна могла бы глубоко пустить в нем свои корни. Некоторые завсегдатаи и теперь его узнавали; пересекая затемненный вестибюль дома, Тристан видел, как во мраке вспыхивали их глаза.

Еще не войдя в последнюю игральную комнату, он учуял присутствие Блэкстоуна – по запаху. Здесь явно отсутствовал свежий сигаретный дым, который обычно маскировал вонь от старых ковров, за десятки лет впитавших в себя множество различных жидкостей. В присутствии финансиста курить никому не разрешалось. Измышлений по этому поводу было более чем достаточно: одна половина подозревала, что Блэкстоун сверх меры озабочен состоянием своих легких и зубов, а другая настаивала, что ему доставляет удовольствие держать под контролем окружающих. Тристан знал этого человека достаточно давно и не сомневался в истинности обеих догадок.

Блэкстоун сидел, развалившись в кресле, лицом к дверям и спиной к стене. На его грубом лице, которое некогда сломанный нос делал еще более неприятным, не было никаких намеков на то, что он заметил приход Тристана. Впрочем, он никому особого внимания не уделял; даже карты небрежно свисали из его бледной ладони. Будто он сидел один, а остальных рискнувших сыграть с ним мужчин и вовсе не было рядом. Блэкстоун походил скорее на подпольного дельца, какого-нибудь заправилу из доков, чем на крупного бизнесмена.

Тристан прошагал мимо игроков, не замедлив шага, и незаметно кивнул, давая понять, что у него есть разговор. В ответ темные ресницы Блэкстоуна чуть опустились. Уже хорошо. Они все еще понимали друг друга без слов, хотя несколько лет намеренно старались не пересекаться.

Тристан отыскал никем не занятую комнату и устроился поудобнее в скрипучем кресле с подголовником. Блэкстоун мог прийти как через десять минут, так и через несколько часов. Сидеть и ждать, дыша зловонием, – занятие утомительное. Когда-то это не напрягало его – восемнадцатилетнего юнца, восторженного и жадного до сомнительных приключений. Тогда он и осознал, что не только женщин, но и некоторых мужчин привлекает его внешность; молодость и свежесть новичка очаровали весь полусвет. Так юношу и втянули в сумрачный, удушливый и никогда не спящий подпольный мир азартных игр и оргий, а он в свою очередь с легкостью втянул других его обитателей в свой мир, втираясь в доверие, когда те были пьяны от скотча и плотских радостей или тупо наглолись паров эфира. В эти часы они легко выбалтывали различный компромат, а Тристан мошенничал – сам был абсолютно трезв и лишь усиленно изображал опьянение. Скоро у него появилась пухлая тетрадь, хранившая перечни законно взятых долгов и оказанных услуг, а также тайны, которые он по случаю превращал в монеты путем шантажа. У него появился личный «банковский счет» – козырь на чрезвычайные случаи.

На этой почве они с Блэкстоуном и познакомились: одним прекрасным вечером оба надумали ошипать одного и того же пижона. Их сильные стороны настолько хорошо сочетались друг с другом, что они образовали эффективный союз и, пройдя недолгий период ребяческих боданий, объединили свои усилия для тайных грабежей. Хищник и змея: один обеспечивал рычаги

давления, другой – доступ к кругу избранных. Несколько лет схема действовала отлично. В финансовом отношении она успешнее работала для Блэкстоуна – теперь тот являлся одним из самых состоятельных бизнесменов Лондона. Конечно, *его* раннюю деятельность по добыванию денег не пресекал властный отец. У Блэкстоуна, как предполагал Тристан, отца фактически не было.

На пол упала тень. Легок на помине: атлетическая фигура финансиста закрыла дверной проем. Холодный взгляд темно-серых глаз уперся в посетителя.

– Нужно обсудить одно дело, – проговорил Тристан.

Блэкстоун немного помедлил, затем кивнул, развернулся и вышел из комнаты. Оба знали, что стены здесь имеют стратегические отверстия в штукатурке, предназначенные для глаз и ушей третьих лиц. Знали с тех пор, когда находились по другую сторону стены.

Мужчины двинулись к восточному выходу из здания, где стояли ожидавшие их экипажи. Блэкстоун жестом велел Тристану сесть в карету без номера. Секунду спустя экипаж пришел в движение. Кучер знал, что должен доставить пассажиров в Белгравию; по пути они успеют обсудить свое дело, и затем Тристан выйдет из экипажа, а Блэкстоун укроется в одном из многих своих владений, чье местоположение он не желал раскрывать. Всем известен был лишь его особняк в Челси, где выставлялась коллекция живописи и антиквариата; Блэкстоун знал *цену* каждого предмета, но не знал *ценности* ни одного из них. Тристан догадывался, что финансист был необразованным человеком – обычное дело для незаконнорожденных.

– Мне нужны деньги, – сказал Тристан. – Завтра.

Сидящий рядом Блэкстоун смотрел в темноту за окном кареты. Тень и свет попеременно играли на его грубоватом лице.

– Сколько? – наконец спросил он скрипучим голосом.

Тристан назвал сумму. Блэкстоун медленно повернул голову.

Его взгляд говорил сам за себя. Вернее сказать, так могли бы смотреть сами деньги, имея они глаза.

– Мне почти любопытно. Что может стоить так дорого?

– Женщины, – кратко ответил Тристан. Люси, мама, а если быть точным, то еще и незнакомая и нежеланная невеста.

– Следовало ожидать. – Блэкстоун вновь уставился в окно и после паузы добавил: – Деньги поступят на счет завтра к полудню. В восемь утра мой человек подъедет в отель «Кларидж» подписать бумаги.

В дальнейших обсуждениях не было необходимости. Тристан знал условия. Что бы ни случилось, Блэкстоун свои деньги вернет. В последний раз он занимал у финансиста большую сумму в двадцать два года, после того как получил приказ отправляться в армию. Это был второй случай, когда он всерьез предполагал порвать с семьей и эмигрировать в Америку, однако снова отказался от своих намерений. Тем не менее Тристан сохранил присутствие духа и инвестировал средства с прицелом на будущее, прежде чем отплыть на пароходе в Индию вместе со своим полком. В дополнение к грабительскому ссудному проценту старый друг попросил перепродать ему несколько долговых обязательств из тетради Тристана – Блэкстоун любил перекупать долги аристократов, чтобы затребовать их в самый неподходящий момент; само собой, неподходящий для должника. За спиной у него остались руины былых состояний.

Тристан через силу улыбнулся. Нужно быть сумасшедшим, чтобы иметь дело с Блэкстоуном.

Глава 8

Не успела Люси позавтракать, как в дверь позвонил какой-то нечесанный мальчишка. Посыльный принес записку из «Устрицы». Люси торопливо бросилась одеваться. Бывало, что какая-либо из обитательниц оксфордского борделя появлялась у нее на пороге под покровом ночи; однако если с утра отправили посыльного, случилось что-то из ряда вон выходящее. Она решила не идти пешком, а нанять до Коули-роуд экипаж.

В полутемном вестибюле ее встретил удушающе-сладкий аромат восточных трав. Было уже восемь часов, и «Устрица» готовилась ко сну. Впустившая Люси женщина выглядела усталой; подводка для глаз растеклась по щекам грязными кляксами.

– Доброе утро, Лилиан.

Лилиан сделала реверанс. Ее ноги дрожали.

– Миледи, как хорошо, что вы пришли!

Люси двинулась вслед за женщиной по коридору, а затем по скрипучей лестнице спустилась на кухню.

– Маленькая Эми, – обернувшись через плечо, сказала Лилиан, – родила, и теперь ей некуда податься.

В кухне было холодно; на длинном столе громоздились горы немытой посуды. Рыжая Мэг отрешенно водила грязной тряпкой по столешнице. Когда Люси вошла, она подняла голову:

– Миледи. – Как большинство обитательниц «Устрицы» – нет, как большинство женщин вообще, – Мэг не могла определиться, к какому сорту отнести леди, не брезгующую переступить порог борделя.

Худенькая девушка – та самая маленькая Эми – уставилась на Люси из противоположного угла комнаты. Растрепанная светлая коса перекинута через плечо, к груди прижат сверток, очевидно с ребенком...

– Когда она должна уйти? – Люси повернулась к Лилиан.

– Сейчас. Мадам приказала.

– И ушла бы уже давно, – вмешалась Рыжая Мэг, – да взмолилась, чтобы ей позволили задержаться до вашего прихода, и мы разрешили. Бог знает почему. Мадам нам головы оторвет.

Банальная ситуация. Некий мужчина сделал проститутке ребенка. Мадам потребовала решать: либо девушка уходит вместе с младенцем в никуда, либо отдает его в приют. Большинство выбирают из двух зол то, к которому привыкли. Однако порой женщина решает оставить ребенка себе. Маленькая Эми – судя по тому, что она вцепилась в сверток мертвой хваткой, – оказалась непреклонной. Девушка не шевельнулась, когда Люси подошла к ней.

– Почему вы послали за мной, мисс Эми?

Эми боязливо обвела взглядом кухню.

– Рассказывают, вы раньше помогали девочкам из «Устрицы», и я подумала... подумала, вы поможете и нам, миледи.

Ее голос хрипел, и Люси тоже ощутила комок в горле. Наверняка девушка всю ночь кричала в родах. Чудо, что она вообще стоит на ногах.

– Какая помощь вам нужна? – ободряюще спросила Люси.

Эми еще крепче прижала к себе сверток.

– Говорят, вы знаете места, где мы сможем пожить.

– Раньше надо было думать! – сердито буркнула Рыжая Мэг.

Нос девушки покраснел, глаза наполнились слезами.

– Я собиралась отдать ее. Но когда взяла на руки... когда посмотрела на ее крошечное личико...

– Вы обращались к ее отцу?

Подбородок Эми задрожал:

– Он не желает иметь с нами дела.

Рыжая Мэг с грохотом опустила в мойку стопку тарелок.

– А чего ты ожидала, дурочка? Приличный богатый господин не станет заботиться о шлюхе и ее отроде.

Эми вздрогнула, и сверток в ее руках издал вопль протеста.

– Заткнись, Мэг! – Лилиан подошла к Эми и приобняла ее за худые плечи, затем повернулась к Люси: – Миледи, вам известно, кто пишет вот это? Они могли бы написать об Эми. – Она достала из кармана юбки лист бумаги.

Люси тотчас же узнала по кричащему алому заголовку помятый экземпляр «Гражданки», радикального памфлета неизвестного автора.

– Написать об Эми? – злобно фыркнула Рыжая Мэг. – Зачем кому-то писать о несчастной Эми? Никто не станет читать про таких, как мы.

– Неправда, – возразила Лилиан. – У отца ребенка есть деньги. Он много чего обещал Эми, а теперь ей некуда податься. А этот листок все время печатает истории о шлюхах, только взгляни...

– Туфта, – проворчала Мэг. – Печатать истории об «Устрице»? Выставят нас в непотребном виде, и заведению конец. Мадам и тебя вышвырнет на улицу с голой задницей. А что до Эми, так эта дуреха сама виновата. Она вообще не от мира сего. – Мэг покрутила пальцем у лба: – Девятнадцать лет, а все в сказки верит.

Взгляд Эми наполнился страданием:

– Я не могу отдать ее в приют, миледи. Я слышала, там с детками делают ужасные вещи... их продают или еще хуже...

– Тебе не придется отдавать ребенка, – твердо произнесла Люси. Она достала из кармана юбки блокнот и карандаш, сдвинула со стола мусор и принялась писать. – Вещи собрала?

Эми кивнула, заливаясь слезами, и подтолкнула ногой потертую коричневую сумку.

– А хоть сколько-нибудь денег есть?

Девушка покачала головой:

– Я накопила малость, но мадам все забрала, когда я не смогла больше работать.

– Ты еще скажи, что это незаконно!

Люси выдохнула, не в силах скрыть раздражение. Рыжая Мэг когда-нибудь прекратит лезть не в свое дело?

Она вырвала листок из блокнота, сунула его в карман и подхватила коричневую сумку, до боли легкую.

– Идем со мной.

Лестница далась нелегко. Эми едва переставляла ноги и все же несла ребенка сама. Наконец они добрались до бокового входа. Свежий воздух показался глотком чистой воды посреди пустыни. К счастью, на центральной улице быстро удалось поймать коляску.

Люси сунула вознице монету и, отсчитав еще некоторую сумму, положила в ладонь Эми.

– Этого хватит на билет. Поезд с вокзала отправляется без четверти девять. Сойдешь на станции в Уокингеме. Я отправлю телеграмму; оттуда тебя отвезут к миссис Джулиане, в «Школу для одиноких женщин».

– Школу? – захлопала глазами Эми. – Я даже читаю с трудом.

– Так называется «дом на полпути»⁶, расположенный в небольшом поместье. Впрочем, ты можешь научиться там чтению, письму и другим навыкам, если заинтересуешься.

⁶ «Дом на полпути» – первоначально так называли гостиницу на полпути между двумя городами, затем название распространилось на учреждения для реабилитации бывших заключенных и других лиц, которые ранее вели асоциальный образ жизни.

Беспокойство Эми только усилилось:

– Там живут монахини, миледи?

Люси покачала головой:

– Школой руководят женщины, которые помогают таким, как ты. – Она вручила девушке написанную в кухне записку. – Отдай это миссис Джулиане, она будет знать, что тебя прислала я.

Эми кивнула, все еще растерянная и слабая. По-хорошему, не надо бы отправлять бедняжку одну.

Люси помедлила. Ее карман оттягивал соверен, положенный туда с вечера. Соверен предназначался строго на билет до Лондона и покупку новых платьев. Например, зеленовато-голубого, подобного тому, что она видела в «Рэндольфе» на обложке модного журнала. Неприятно сознавать, но факт есть факт: три дня назад в «Блэкуэллз», когда в кофейню впорхнули девушки, она почувствовала себя серой мышью. В ярких, пошитых по фигуре хлопчатобумажных платьях, отделанных накрахмаленным белым кружевом, они освежили помещение, словно букет весенних цветов. Девушки даже пахли как цветы. Излишне доказывать, насколько пресыщен Тристан вниманием поклонниц. С каким томным взглядом он сидел и подписывал «баллентинки» – мужчине явно не привыкать к тому, что настырные молодые женщины ходят за ним толпой. Боже, помоги его будущей жене! Стоит Тристану только появиться где-нибудь, как на колени плюхнется очередная любовница.

Лошадь фыркнула и нетерпеливо ударила копытом по булыжной мостовой.

Люси сунула руку в карман и извлекла соверен.

Эми сделала большие глаза и сжала монету в ладони. Целое состояние!

– Обещай, что потратишь деньги на врача. Пусть он как следует осмотрит малышку. И купи себе новую одежду.

Девушка с благоговением уставилась на монету.

– Обещаю, – прошептала она.

– Тогда удачи, – кивнула Люси.

– Миледи! – Эми с сияющими глазами протянула ей сверток. – Не могли бы вы поддержать ее? На счастье.

Люси отступила на шаг:

– Кажется, ты приняла меня за крестную мать из сказки? Мисс Эми, уверяю, я не гожусь на эту роль.

У девушки вытянулось лицо.

– Нет, что вы! Прошу прощения! – Она снова прижала к груди малышку. Щеки зарделись.

– Нет-нет! – спохватилась Люси. – Позволь, я возьму ее.

Малышка спала и даже не пошевелилась, когда Эми бережно вложила сверток в заботливо подставленные руки Люси.

Люси зачарованно смотрела на невозможно маленькое личико, крошечный нос пуговкой, темный пушистый завиток, выбившийся из-под вязаного чепчика...

– Как назовешь ее? – шепотом спросила она.

– Элизабет. В честь моей мамы.

От одеяльца поднимался запах новорожденного, на удивление сладкий, похожий на запах молока с сахаром и детской присыпки, вытесняя впитавшийся в одежду аромат ладана. Люси ощутила болезненный толчок в груди.

Она вернула девочку матери, стараясь не потревожить.

– Элизабет – хорошее имя. Королевское. Возможно, ты вырастишь ее сильной женщиной.

– Я постараюсь вырастить ее хоть чуть-чуть похожей на вас, миледи.

Люси слабо улыбнулась:

– Храни Господь вас обеих.

Она помогла Эми забраться в коляску и некоторое время смотрела ей вслед, пока повозка, громыхая, не скрылась из виду.

Девятнадцать лет, а все в сказки верит.

Некоторые женщины верят в сказки всю жизнь. Во всех уголках страны, в борделях и в богатых особняках, женщины ждут мужчину, который придет и спасет их.

Известно ли им, что спасение, на которое они так надеются, легко может обернуться проклятием? О, несомненно. Однако за десять лет наблюдения за тем, что происходит за тихими, благопристойными фасадами, Люси усвоила: одни не видят других вариантов, другие не смеют за них ухватиться, а еще есть женщины, подобные Эми, у которых вообще никогда не было вариантов. И порой она не могла отделаться от чувства, что никакая кампания в мире не в силах это изменить.

Люси возвращалась домой на улицу Норэм-гарденс, кляня себя за сожаления о потраченном соверене. Конечно, он израсходован на самые благие цели, и все же по большому счету это все равно что пытаться наполнить бездонную бочку. Даже если Люси будет ходить в лохмотьях, всегда найдутся и женщины, и дети, которым нужны деньги и прибежище. Страдания тянутся нескончаемой вереницей. В отдельных случаях можно кое-что изменить за свой счет, однако что нужно реально, так это улучшить обстоятельства жизни для каждой женщины, каждого ребенка, независимо от отдельных актов милосердия. А это вопрос политический и может быть решен только в Вестминстере. И, уверяя себя, что внешний лоск в одежде ничего не значит, со своими потрепанными манжетами и темно-серыми юбками Люси не будет котироваться как в коридорах парламента, так и в любом другом месте. Она осознала это еще в «Блэкуэллз». А возможно, и раньше, во время утренней встречи с леди Солсбери, дамой весьма почтенного возраста и тем не менее подмигивающей при намеке на любовников.

Все мысли о моде и политике как ветром сдуло, стоило Люси открыть почтовый ящик. Среди десятков писем ее взгляд выхватил конверт, подписанный нервным почерком мистера Барнса. Она надорвала его прямо на ходу.

– Ура, ура, ура, – прошептала она. – Знакомство с герцогами никогда не подведет! Боудикка! – Кошка негодуяще мяукнула, уж слишком энергично хозяйка схватила ее и принялась гладить. – Торжествуй! Мы с тобой теперь новые владельцы «Лондонского печатного двора»!

Люси преодолела широкую мраморную лестницу, ведущую из вестибюля «Лондонского печатного двора» на офисный этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Ее адвокат мистер Сайкс едва поспевал за ней, тяжело дыша и придерживая сползающие на нос очки.

В кабинете их ждали мистер Барнс и нотариус мистер Маршалл. Мисс Барнс скромно сидела в своем уголке за пишущей машинкой. А на столе красного дерева в центре кабинета были аккуратно разложены глянцевые белые листы контракта.

– Вашей светлости известно, что я должен прочесть вам вслух документ целиком? – спросил мистер Маршалл.

Люси окинула взглядом двадцать страниц убористого текста.

– Мне известно, но есть ли в этом необходимость?

Мистер Сайкс и мистер Маршалл в один голос заверили ее, что да, это крайне необходимо.

Процесс занял полтора часа. Мистер Маршалл читал, мистер Сайкс вставлял замечания, и оба старались произвести друг на друга впечатление. Порой мистер Маршалл требовал добавить комментарий; время от времени требовались услуги мисс Барнс и ее пишущей машинки.

Сердце Люси билось неестественно учащенно; к лицу прилила кровь, словно в лихорадке. Она жаждала немедленно увидеть, как высыхают чернила на подписи над пунктирной линией.

Наконец мистер Маршалл положил перед ней последнюю страницу контракта:

– Пожалуйста, миледи, поставьте подпись вот здесь. – Кто-то протянул ей авторучку с позолоченным пером.

На миг Люси позабыла, как она обычно расписывается.

Ну, вот и все. Готово!

Она положила ручку, едва дыша.

Предпоследний этап плана выполнен.

Все встали; мужчины пожали друг другу руки, а затем пробормотали в адрес Люси формальные поздравления. Они ей не доверяли. *И не напрасно.*

– Если у вас есть желание, можете прямо сейчас встретиться с новым совладельцем, – произнес мистер Барнс, забирая свою авторучку. – Он сегодня устраивался в своем кабинете и, должно быть, еще не покинул издательство.

– С новым совладельцем? – в замешательстве переспросила Люси.

– Выражаясь точнее, не совсем новым. Он перекупил остальные доли... – Барнс нахмурился. – Разве вы не получили мое письмо? Я отправил его одновременно с официальным ответом о согласовании сделки.

От нехороших предчувствий у Люси закололо в затылке.

– Простите мою оплошность, – проговорила она. Увидев письмо с подтверждением, она поспешно выскочила из дому, вместо того чтобы сначала рассортировать остальную корреспонденцию. – Что-то изменилось?

Состав акционеров был просто идеален – ни у кого нет контрольного пакета, следовательно, никаких препятствий ее издательской политике.

– Лорд Баллентайн вернулся из-за границы и на днях выкупил остальные доли. Возможно, ваша светлость пожелает обсудить детали непосредственно со своим новым партнером...

Глава 9

С окаменевшим лицом Люси ворвалась в кабинет, едва не задев плечом секретаря, объявившего о ее приходе.

Ее поприветствовали подошвы огромных ботинок. Сам владелец вышеупомянутых ботинок, закинув ноги на стол, прятался за раскрытой газетой.

Только один из знакомых Люси мог читать «Таймс» в образе злодея из пантомимы.

Газета опустилась, и злодей посмотрел ей в глаза.

Воздух сразу же раскалился. Очередной вдох обжег легкие Люси, подобно горячему пару.

– Леди Люси! – Тристан убрал ноги со стола. – Я вас ожидал.

Наружу рвалось так много слов, что они застряли в горле.

Тристан был одет строго – никаких бордовых пиджаков, никакого бархата, только серая английская шерсть и неяркий шелк. Поэтому он выглядел не таким, как обычно, чужим.

И оттого еще более реальным.

Он свернул газету и выжидающе взглянул на Люси. А она стояла молча; пульс отдавался в ушах.

Тристан пожал плечами, встал и направился к буфету.

Тристан Баллентайн расхаживает по кабинетам «Лондонского печатного двора» как хозяин!

Потому что он и есть хозяин.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить? – Тристан пробежался длинными пальцами по ряду бутылочных горлышек. – Бренди, скотч, шерри?

Люси скрестила руки на груди. Сердце от волнения билось пугающе быстро.

– С каких пор?

Тристан откупорил бутылку, поднес к лицу и принялся.

– Что именно с каких пор?

Невинная улыбочка ударила по нервам Люси, подобно молнии.

– С каких пор ты владеешь акциями этой компании?

– А-а... Ну, первые двадцать пять процентов я купил лет шесть назад, перед тем как впервые отправился в армию. Оставшуюся долю приобрел вчера. Стоило только уведомить предыдущего собственника о суфразистском нашествии, как он согласился уступить ее по сходной цене. Ты уверена, что не желаешь бренди? Выглядишь... не лучшим образом.

Сердце угрожало пробить дыру между ребрами. Половину ее издательского дома присвоил заклятый враг!

– Так, значит, – прищурилась Люси, – именно ты взбаламутил правление и надавил на мистера Барнса!

– Не отрицаю, я. Мне нужно было выиграть время, чтобы собрать необходимый капитал и убедиться в подозрениях насчет твоих планов захвата издательства.

Его подозрения. Вот по какой причине Тристану понадобилась встреча в «Блэкуэллз».

А ведь она знала. Знала, что от него следует ждать неприятностей, и все равно отправилась в кафе!

– Почему? – спросила Люси, стараясь подавить дрожь в голосе. – Почему «Лондонский печатный двор»?

Тристан плеснул себе виски на два пальца.

– А почему бы и нет? У издательства широкий круг читателей, его потенциал недооценен. Привлекательный объект для любого, кого интересует издательская деятельность. Плюс источник дохода.

Слова звучали словно пощечины. То же самое она говорила мистеру Барнсу, прикрываясь экономическими терминами, чтобы замаскировать свои истинные намерения – в дальнейшем использовать журналы в интересах Дела. А что скрывает Тристан? Ведь, как всякий наследник знатного рода, он может жить на довольствии отца, не заботясь об «источнике дохода».

– Если дело в деньгах, поищи другой бизнес.

Он вскинул голову:

– Зачем? Обе мои сделки предшествовали твоей. Любой скажет, что я оказался первым.

– Ну ты и хам. – Люси передернуло.

Похоже, его это позабавило.

– Не отказывай волку в удовольствии сгрызть кость, Люси. Я вернулся с войны. Может, меня привлекла идея чем-то заняться. К тому же «Лондонскому печатному двору» принадлежат права на мои литературные произведения.

– Литературные произведения?

Тристан укоризненно взглянул на нее из-под длинных ресниц:

– Романтическая поэзия.

С таким же успехом он мог бы говорить по-китайски.

И тут ее осенило.

Люси ошеломленно затрясла головой:

– Как это следует понимать? Ты сознаешься в авторстве «Поэтических россыпей»?

– Именно. – Тристан испытующе посмотрел на нее поверх бокала с виски, глаза загорелись: – Ну и как тебе такое?

Стихи? Сборник был опубликован анонимно. Люси подозревала в авторстве женщину – обычный случай для анонимов. Теперь выяснилось, что правда более отвратительна. Видимо, существует другая реальность, в которой ее партнером по бизнесу оказался всем известный распутник, а лорд Баллентайн, пустой балагур – одновременно прославленный поэт. Не провалилась ли она в кроличью нору?

– Как мне такое? – повторила Люси. – В смысле поэзия? Фу!.. Я вообще стихов не читаю. – Она посмотрела на него свысока: – Облеченное в красивые фразы пустозвонство меня не привлекает.

Огонь в его глазах погас.

– Тьфу! Я-то думал, ты всесторонне проработала вопрос, а ты? Покупаешь издательство, не установив личности других акционеров, не познакомившись с содержанием выпускаемых бестселлеров... Какая беспечность!

Люси молча кипела от злости, потому что отчасти он был прав. Ее планы использования «Лондонского печатного двора» не требовали особых знаний процесса, однако сознаться в этом Тристану она не могла. Что ж, пусть считает ее идиоткой.

– И тем не менее, – продолжил Тристан, – от моего вмешательства выиграем мы оба. Как ни странно, моя книга все еще продается даже спустя несколько лет после публикации, хотя объемы продаж зависли на одном уровне. Теперь представь, что я рассекретил свое авторство. – На этих словах он самодовольно ухмыльнулся: – Мы выпустим второе издание и сможем...

Люси подняла руку:

– Я не веду с тобой совместного бизнеса.

– Да что ж ты такая бестолковая? – снисходительно произнес Тристан. – Зря.

– Исключено.

Он пожал плечами:

– Жаль. Твоя идея насчет публикации военных дневников неплоха.

У Люси свело живот от ужаса. Зачем она согласилась на встречу с ним в «Блэкуэллз»?

– Продай мне свою долю, – прошептала она.

– С какой стати? Я только что ее приобрел.

Она подошла ближе.

– Если для тебя главное – деньги, продай ее мне. – Деньги она как-нибудь найдет, и не важно, насколько внушительной будет сумма.

Тристан неторопливо поболтал виски в бокале.

– Меня не интересует единовременная выгода. Я нацелен на получение долгосрочной прибыли.

Люси уставилась ему в глаза, и его улыбка обернулась ухмылкой.

– Ну хватит. Мы оба понимаем, что ты не стала бы приобретать женские журналы высоко нравственного содержания, не имея скрытых мотивов. Перо сильнее меча, и все такое... «Новости ближних графств» в твоих руках? Что ты замышляешь – феминистские выкрутасы вместо рецептов бисквитных пирожных? Не пойдет. Я хочу контролировать содержание выпусков.

На лбу у Люси выступил холодный пот. Он собрался уничтожить... все.

Она сглотнула, пытаясь справиться с приступом тошноты.

– Есть другие способы делать деньги. Придумай что-нибудь.

Его лицо ожесточилось:

– Я не готов безучастно смотреть, как ты теряешь наших читателей.

Наших читателей.

Люси хотелось визжать и огрызаться; она чувствовала себя лисой, попавшей в капкан. Не может быть никаких *наших*. Тристан только что мимоходом уничтожил все ее надежды на собственное издательство, при этом лениво попивая виски. Что бы она ни сказала сейчас, будет недостаточно.

– Мы еще поговорим.

– И я думаю, очень скоро, дорогая, – бросил он в спину Люси, пока она не успела захлопнуть дверь.

Небо уже стало темным, как дым из оксфордских труб, а разгневанная Люси продолжала расхаживать кругами по персидскому ковру Хэтти. Дорога из Лондона ничуть не успокоила ее. Даже созерцание вечных оксфордских стен не помогло.

– Он посмеялся надо мной, и я ему позволила... При этом нагло пил виски!

Аннабель, сидевшая на канapé, наблюдала за подругой с явным беспокойством.

– Ты никак не могла предвидеть такого развития событий.

– Комично вышло, почти как в театре, – подала голос Хэтти со своего кресла. – Вероятность того, что вы с Баллентайном купите доли в одной и той же компании, была ничтожно мала. Наверное, это судьба.

Люси стремительно повернулась к ней:

– Это не театр, Хэтти. Это катастрофа.

Подруги умолкли.

Люси сделала глубокий вдох. Не помогло. Ее по-прежнему трясло.

– Поймите, он вправе запретить все, что вздумает. Мы не сможем осуществить наш план. Не сможем опубликовать доклад. – Она сжала виски ладонями. – Мы собрали необходимую сумму, купили издательский дом – и все напрасно!

Молчание стало тяжелым и угрожающим.

– Возможно, мы отыщем решение, пока парламент находится на каникулах, – наконец заговорила Аннабель. – Когда в сентябре откроется сессия, я попрошу Монтгомери перенести рассмотрение его предложений о поправках на другое число.

– Спасибо тебе. Однако будь у нас возможность найти простое решение, мы бы его уже нашли.

– А если ничего не предпринимать? – вполголоса произнесла Хэтти. – Если продолжать действовать по нашему плану?

– Теперь издательский процесс требует две подписи на каждый чих, – нахмурилась Люси. – У нас нет законных оснований действовать, как нам нужно. Такая досада – просто слов нет!

Катриона плотнее запахнула шаль на плечах.

– Может, использовать издательский дом в других целях?

– В каких же? – захлопала глазами Люси.

– Издательство – растущая компания. А это всегда полезный инструмент. И как бы мы его ни использовали, у тебя не меньше полномочий, чем у лорда Баллентайна. Ты тоже вправе наложить вето на любые его планы.

– Отлично! Тратить время на торги и пререкания с Баллентайном, вместо того чтобы двигаться вперед? Проклятье! Даже подумать противно, что придется каждую неделю видеть его ухмыляющуюся физиономию.

– А мне нравится предложение, – подалась вперед Аннабель. – Мы можем работать на благо нашего Дела, только иным образом. Например, нанять в издательство как можно больше женщин. И платить им наравне с мужчинами.

– Все лучше, чем отправлять излишки женщин в Австралию! – кивнула Хэтти.

Люси помедлила. Предложение неплохое; хотя ее захлестывали эмоции, она понимала: идея заслуживает серьезного рассмотрения. Действительно, все более насущной становилась проблема женщин среднего класса, которые нуждались в офисной работе, главным образом потому, что в Британии недоставало мужчин, готовых взять их в жены и обеспечить средствами к существованию. Война и эмиграция привели к тому, что слишком много потенциальных женихов уехали за границу или погибли, а женщинам соответствующего социального положения не подобало зарабатывать на жизнь физическим трудом. Намерения правительства отправить женщин в Австралию с билетом в один конец, чтобы они там нашли себе мужей, как всегда, на грани безрассудства. Тем не менее...

– Идея блестящая. Однако никуда не годная.

– Почему? – озадаченно спросила Катриона.

– Полный офис женщин-сотрудниц? – Люси опять передернуло. – Неблагоразумно, учитывая присутствие Баллентайна. Он вряд ли нуждается в дополнительной рекламе как романтический поэт; ему достаточно просто пройти по издательству, чтобы нарушить рабочий процесс. А с него станется. Восторженные девушки перегрызутся между собой. Та, которую он соблазнит, останется с разбитым сердцем и натворит глупостей... вы же читали газеты. А мне придется ее уволить – не смогу же я уволить *его*!

Во взглядах подруг сквозило общее неодобрение – словно Люси внезапно лишилась рассудка.

– Почему ты так несправедлива к нам, женщинам? – развела руками Аннабель. – Я знаю, он тот еще ловелас, но чтобы все женщины разом превратились во флиртующих глупышек...

– Верно, – пробормотала Катриона. – Доверяй хоть немного нашим мыслительным способностям.

Люси с досадой выдохнула. Действительно, любой посторонний человек счел бы ее сумасбродкой.

– Вам следует кое-что знать о Баллентайне. До недавних пор он был вторым сыном, да еще и огненно-рыжим. Ходили слухи, что он и вовсе не Рочестер. И как прикажете выживать несчастному мальчишке? Только пользоваться своей неотразимостью. И своим остроумием. Он стал настоящим Макиавелли по части оболыщения: за милую учует твои желания и твои слабости, воспользуется ими в своих целях и обратит против тебя. А теперь представьте, что мальчик с такой обидой и с такими навыками вырос, стал чрезвычайно привлекательным мужчиной, сделался наследником титула и за доблестные военные подвиги награжден Крестом Виктории! Можете представить, в кого он превратился?

Повисла тишина, которую нарушало только потрескивание дров в камине.

На лицах Аннабель и Катрионы отразилась тревога.

– В опасного человека, – наконец сказала Хэтти, – который с жадностью наслаждается вниманием поклонниц, чтобы исцелить старые раны.

Кажется, и она была несколько заинтригована открывшимися перспективами.

– Черт возьми, – воскликнула Аннабель, – а почему бы нам не купить другое издательство? Я поговорю с Монтгомери; полагаю, он не откажет мне в субсидии.

– С аналогичным кругом читателей?

Все знали, что в настоящее время варианты отсутствуют. А они должны претворять план в действие именно сейчас, а не бессистемно собирать идеи, как двигаться дальше.

– Чем больше я об этом думаю, тем больше соглашаюсь с тем, что лорду Баллентайну не место в нашем издательстве, – меланхолично проговорила Хэтти. – Всего пару дней назад я познакомилась с дамами, которые записались в Оксфордскую летнюю школу, и некоторые из них сразу выложили, что решили заняться живописью не потому, что ее преподает профессор Раскин, а потому, что в Оксфорде поселился лорд Баллентайн. Они надеются пересечься с ним, случайно.

Люси уставилась на подругу:

– Где он поселился?..

– О, дорогая! – Хэтти мотнула головой. – Ты не знала?

– Нет, – Люси взяла себя в руки. – Тебе известно, по какому адресу?

– Кажется, на Лоджик-лейн... Люси, куда ты? Неприлично заявляться в гости к джентльмену в такое позднее время...

Глава 10

Слуга Тристана ничуть не удивился, обнаружив в столь неурочный час на пороге жилища своего господина разъяренную женщину.

Однако он преградил ей вход своим долговязым телом:

– Его светлости нет дома.

Насколько помнила Люси, в свое время в Уиклифф-холле у Тристана был другой слуга.

– А вы новенький. Как ваше имя?

Он нарочито внимательно ее оглядел и с легким высокомерием произнес:

– Ави, миледи.

– Ави, нам с лордом Баллентайном нужно обсудить одну деловую проблему. Если вы не считаете, что его светлости угодно посвятить в нее всю улицу, позвольте мне войти. Я предупреждаю, мой голос слышен издалика.

Слуга сдвинул брови:

– Понимаю. Вы не вооружены чем-либо острым, миледи?

– Разве что языком.

Перед лицом такой агрессивности слуга сдался и, поклонившись, отошел в сторону.

Люси с сильно бьющимся сердцем проскользнула мимо него.

Узкая лестница.

Тесная лестничная площадка.

Интересно, почему будущий граф Рочестер поселился в заурядном многоквартирном доме.

Дверь в спальню была открыта; теплый свет от камина и как минимум десятка свечей просачивался на площадку.

Она устремилась в дверной проем...

И замерла.

Хозяин дома возлежал на диване в дальнем конце комнаты, подперев голову локтем.

Обнаженный.

Люси уставилась на него, запыхавшись, и на миг позабыла о времени.

Он медленно поднял глаза от книги и взглянул на гостью...

Глаза Люси метнулись в сторону. Поздно! Картина проглотила мозг и продолжила сиять даже за закрытыми веками: гладкая, медового оттенка кожа, точеные мускулы, мощные прямые плечи, широкая грудь... и татуировка над правым соском.

У Люси пересохло во рту.

Ее взгляд неумолимо притягивала узкая полоска темных волос, уходящая вниз от пупка... Тристан был обнажен не полностью, на бедрах висели штаны из мягкой ткани.

И все равно лицо горело, словно Люси подошла слишком близко к пылающему горну. Плохо.

Диван заскрипел. Люси открыла глаза и отвела взгляд в сторону, заметив, что его светлость привстал со своего ложа. Она впилась ногтями в ладони. *Представление начинается.*

– Люси, – хриплым голосом проговорил он, – неужели мои мечты наконец сбылись и я вижу тебя в своей спальне?

– Почему бы тебе не привести себя в благопристойный вид? – спросила она неестественно чопорно, обращаясь к дверному косяку.

– Вот это да-а! – протянул Тристан. – Если нагота оскорбляет твои нежные чувства, не рекомендую вламываться в будуар к мужчине после наступления ночи.

Периферическим зрением Люси видела, как он встал и потянулся с грацией дикого кота; под сияющей кожей спины перекачивались мышцы – могла ли она осуждать себя за то, что

подсматривает? Это же произведение искусства, словно внезапно ожившая римская мраморная статуя.

Пока Тристан шел к шкафу для одежды, она испытывала стремление сбежать вниз, проскочить мимо надменного Ави и удалиться, соблюдая правила приличия, которые еще не нарушила, – если таковые остались. Иногда она сама диву давалась своим поступкам. Только что ворвалась в спальню к мужчине, что крайне непозволительно даже для закоренелой старой девы и возмутительно по ее собственным меркам. Должно быть, годы взаимного противоборства привили ей ложное ощущение фамильярности во всем, что касалось Тристана.

– Вуаля, – промурлыкал он.

Люси обернулась.

Тристан стоял у камина, так и не приведя себя в вид, который можно было назвать вполне благопристойным. Он накинул на себя что-то вроде домашнего халата: красный шелк с экзотическим цветочным орнаментом. Халат спереди был распахнут и обнажал плоский живот с ярко выраженными кубиками мышц. В отсвете камина кожа выглядела гладкой, как атлас. Губы Люси защипало от возбуждения.

Она собралась с духом и с показным безразличием вошла в спальню. Все лучше, чем торчать в дверях как дура.

Почти всю правую половину комнаты занимала кровать с четырьмя столбиками; у левой стены, обитой яркой тканью, стоял деревянный шкаф. Комната пахла своим хозяином, и, окутанная его запахом, Люси застыла в смущении, словно оказалась с ним лицом к лицу в дезабилье.

– Тебе что, кошка язык откусила? – ласково спросил Тристан.

Его глаза сверкнули. Будь он львом, подергивание хвоста, несомненно, выдавало бы готовность хищника к атаке.

Однако хищник уже атаковал.

Люси вновь захлестнуло негодование; тело сделалось неподвижным.

Она уперла руку в бок:

– Значит, это правда? Ты поселился в Оксфорде?

Тристан помедлил, созерцая ее воинственную позу, и наконец соизволил ответить:

– В настоящее время – да.

– С какой стати?

Он лениво пожал плечами:

– Чудесный маленький городок.

Она тряхнула головой:

– Ты бы никогда добровольно не согласился жить в такой дыре! – Люси обвела рукой помещение. – Сначала ты покупаешь половину моего издательства, потом находишь жилье рядом... Что ты замыслил, Баллентайн?

Он высокомерно вздернул бровь:

– Тебе не кажется, что ты несколько преувеличиваешь?

Люси сжала кулаки.

– Мы не можем ни минуты находиться в одном помещении, чтобы не поссориться. Мы не сможем работать вместе, пойми. Продай мне свою долю. Я дам письменное обязательство, что твои книги по-прежнему будут издаваться.

Он вскинул голову:

– Встречи с тобой доставляют мне удовольствие. Добавляют изюминку в мои будни.

Ну вот, затягивает разговор. Хочет, чтобы Люси его упрашивала.

Да лучше она отдаст свой голос за тори!

– Одумайся! Нам не владеть компанией в равных долях.

Его брови снова поползли вверх:

– Потому что это означает, что я могу – и хочу – наложить вето на все, что угрожает нашим продажам? Скажем, на радикальную феминистскую политику?

– Да, – прошипела Люси.

Планы, которые она вынашивала два года, разрушены. И разрушил их не кто иной, как Баллантайн. К ужасу Люси, от досады у нее зашипало в носу. А ведь она не помнила, когда в последний раз плакала.

Тристан сдвинул брови:

– Ну хватит. Перспектива уничтожения собственного бизнеса, разумеется, также и не в твоих интересах. Знаю, в Уиклифф-холле я доставал тебя своими розыгрышами все годы, что проводил там каникулы. И некоторые шутки были... чересчур. Однако теперь мы взрослые. Не пора ли простить меня? Давай забудем все, начнем сначала. Если уж на то пошло, я могу принести извинения за свои подростковые грехи.

Вот черт! Лекцию о добродетели читает мужчина, который, если верить слухам, недавно спрыгнул с балкона прямо на розовый куст, убегая от разъяренного мужа. А как легко он разбрасывается своими извинениями! Неужели считает, что это сделает ее более податливой?

Ощущение поражения загло пламя гнева:

– Ты думаешь, я испытываю к тебе неприязнь из-за детских розыгрышей?

Он прищурился:

– А из-за чего же?

– Поразительное невежество!

– Так просвети меня, – зловеще ухмыльнулся Тристан. – Какие преступления я совершил против тебя, чтобы заслужить такую антипатию?

– Антипатию? Отлично, теперь слушай, почему я испытываю к тебе неприязнь: ты распутник. Ты соблазняешь женщин ради самого процесса соблазнения, ради поддержания формы. Ты можешь попользоваться женщиной, только чтобы скоротать вечер, и затем избавиться от нее... Ты ценишь банальные вещи и высмеиваешь серьезные, ты много болтаешь, но говоришь очень мало, что побуждает меня сделать вывод – ты или ленив, или глуп, или все сразу... Ты злоупотребляешь своим социальным положением в угоду гедонистическим привычкам, и самое худшее, тебе предоставили место в палате лордов, а ты не использовал его ни разу – ни разу! – притом что миллионы в этой стране вообще не имеют права голоса. Я не могу припомнить мужчин более бесполезных, чем ты. Я не испытываю к вам неприязнь, милорд, я презираю вас.

Плотина, давно давшая трещину, наконец рухнула; ядовитые слова хлынули наружу.

Последовавшая за этой тирадой тишина казалась оглушительной.

Тристан замер на месте как подстреленный. Его скулы медленно и неумолимо багровели от гнева.

Внутри у Люси зашевелились нехорошие предчувствия. Лишь теперь она поняла, что переступила черту, которую они оба когда-то негласно прочертили.

Тристан сделал глубокий вдох:

– Бесполезный. – Слово сорвалось с его уст холодно и презрительно.

Люси скрестила руки на груди:

– Именно. И я не желаю делить с тобой бизнес.

– Я понял. – Тристан контролировал свой тон, однако в глазах закипало что-то недоброе. Он прошелся взглядом по Люси, с ног до головы, нарочито медленно, отчего все волосы на теле приподнялись. Люси провоцировала его на безумие.

Тристан повернулся к камину и уставился на раскаленные угли, положив одну руку на каминную полку. В ниспадающих одеждах и с отрешенным выражением на лице он походил на юного бога мщения, созерцающего огонь.

– Скажи, Люси, – раздался вкрадчивый голос, – насколько сильно ты жаждешь от меня избавиться?

Вопрос обвился вокруг шеи, как атласная лента, и сдавил горло. Это ловушка.

Люси вздернула подбородок:

– Назови цену. А я прикину, смогу ли расплатиться.

– О, разумеется, сможешь!

Пальцами левой руки Тристан принялся лениво ощупывать стоящие на каминной полке предметы – изгибы керамического корпуса часов, продолговатую коробочку, тяжелый подсвечник, выточенный из дуба. На подсвечнике пальцы задержались. Он примерился к нему и обхватил ладонью.

Люси обдало жаром, словно от открытого огня.

– Сможешь, – повторил Тристан, поворачиваясь к ней. Его глаза на фоне света и тени казались бездонными озерами. – Вопрос в том, захочешь ли.

Его рука, обхватившая подсвечник, медленно заскользила вверх-вниз по полированному дереву – насколько Люси могла сообразить, жест непристойный и в то же время жутко завораживающий. Отблески пламени играли на обнаженной груди Тристана и на его красивых пальцах, без сомнения, познавших все самые бесстыдные ласки на свете.

От такой наглости у Люси перехватило дыхание.

– Я жду, – прошептала она. – Назови свою цену.

Сверкнули волчьи зубы:

– Ты умная женщина. Отгадай.

– Ты плотоядно пялишься на меня и при этом поглаживаешь фаллический объект. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, какую цену ты предлагаешь.

– Хм-м. Допустим.

– Грубое, похотливое животное!

– Ты обо мне или о себе?

Люси молча жгла его яростным взглядом.

Тристан оставил подсвечник в покое.

– Дорогая, я распознаю вождение с двадцати шагов, а ты, вопреки случившемуся ранее приступу целомудрия, буквально кипишь от желания. Я узнаю его по блеску глаз и по очаровательному румянцу на твоих щеках. Если бы я дотронулся пальцами до твоей шеи, то ощутил бы сердцебиение, неестественно частое и сильное.

Ноги Люси внезапно подкосились, не в силах удерживать ставшее слишком тяжелым тело. Пылающие щеки, учатившийся пульс... Все верно.

– Ты смешон, – проговорила она сиплым голосом.

– И тем не менее никто из нас не шутит. Одна ночь. Одна ночь в постели с тобой за один процент акций компании. И плюс к тому письменное обязательство продолжать издание моих книг. Такова цена.

Люси дышала часто; голова кружилась.

– Значит, ты лгал, заявляя, что никогда не форсируешь свое внимание к женщинам.

Тристан приподнял брови:

– Я не форсирую. Сомневаюсь, что кто-либо другой в моем положении рассматривал бы возможность сделать предложение подобного рода, учитывая потенциальный крах бизнеса. Отклони предложение – и все по полному праву останется на своих местах. Прими его – и «Лондонский печатный двор» будет твоим. – Его взгляд скользнул мимо Люси и уперся в кровать. – Можем приступить немедленно. Уже завтра утром ты проснешься полностью удовлетворенной владелицей издательского дома. С моей стороны просто глупость – заключать такую невыгодную сделку.

Кровать рядом, стоит лишь сделать шаг-другой вправо. И тон, каким произнесены эти слова, при всей ироничности звучит вполне по-деловому. Люси сжала кулаки; на короткий миг она почти ощутила мягкость стеганого покрывала под своими ладонями, увидела, как над ней вздымаются обнаженные шея и плечи. Соблазнение уже работает – давало о себе знать отточенное за годы практики искусство Тристана...

Извращенный экстаз, в который он вверг ее своим бархатным голосом и плавными движениями, разбился вдребезги.

– Если ты думаешь, что я обменяю акции компании на сифилис, ты заблуждаешься.

Тристан ухмыльнулся:

– Есть способы избежать подобных вещей...

Она развернулась.

– Предложение остается в силе до конца лета! – выкрикнул Тристан вслед.

Люси снова развернулась, чтобы увидеть его лицо:

– Наверное, ты совсем отчаялся меня получить, если делаешь такое предложение.

Он улыбнулся, хотя взгляд оставался холодным:

– Я давно в отчаянии, принцесса. Найди время подумать. И кстати, в спальне я не так уж бесполезен.

Люси знала. Женщины делились впечатлениями.

– Гори в аду! – воскликнула она и, тяжело дыша, покинула комнату.

Оконное стекло гротескно исказило укутанную в плащ фигурку Люси. Вот она свернула на Лоджик-лейн и исчезла в полумраке. Тристан продолжал всматриваться в пустоту скудно освещенной улицы. Нахлынувшая несколько минут назад волна жара стихать не торопилась. Он непроизвольно ощупал пальцами скулу – будто ему снова двенадцать и лицо горит от пощечины.

Тристан уронил руку и горько усмехнулся.

Бесполезный. Из всех возможных оскорблений Люси выбрала именно это. Маленькая ведьма. С таким же успехом она могла бы наброситься на него, размахивая саблей. И он действительно предпочел бы нападение с холодным оружием, поскольку с такими вещами обходился более умело.

Тристан отошел от окна и вновь рухнул на диван, который громко запротестовал. Ну и черт с ним. В этой провинциальной дыре даже мебель не рассчитана на его габариты. За исключением кровати – она, несомненно, выдержит двоих.

Тристан потянулся за фляжкой с бренди и задержал взгляд на шелковом покрывале. Какая отрезвляющая цепь событий! Он не ожидал, что Люси испытывает к нему такое презрение, и не ожидал, что его настолько заденет этот факт. Вероятно, юношеская одержимость оказалась серьезнее, чем он думал; она лишь погрузилась на глубину и стала невидимой под наслоениями событий последних лет. Едва только он увидел Люси, стоящую у постели, прорезанная через забытую часть его души борозда наполнилась желанием, как вади – высохшее русло – внезапно наполняется бегущей водой. Наверное, он до сих пор думал о Люси как о фее, помнил застывший во времени образ. А в действительности она была женщиной из плоти и крови, и он, по сути, совсем не знал ее. Его пронзало удовольствие, когда он представлял в своем воображении картины: вот она под ним, а вот на нем, жадная и ненасытная...

Когда бренди обожгло горло, Тристан уже принял решение. Он должен соблазнить ее до того, как она решит, что игра стоит свеч, и акции компании тут ни при чем, просто иначе он скоро потеряет рассудок.

Глава 11

Люси пересекла центр Оксфорда и быстрым шагом прошла вдоль Парк-роуд, однако, вернувшись домой на Норэм-гарденс, по-прежнему кипела от эмоций.

В темном коридоре она едва не споткнулась о мешок с письмами, оставленный миссис Хит, а по пути на кухню подхватила на руки ничего не подозревавшую Боудикку; от изумления кошка впилась когтями в ее левую ладонь. Люси ойкнула и уронила животное. Что ж, по крайней мере жалящая боль умерила порыв вернуться на Лоджик-лейн и прострелить Тристану коленную чашечку.

На кухне Люси обнаружила кастрюлю с холодным рагу и проглотила две ложки. Желудок тут же завязался узлом, и она признала поражение. Бывают дни, когда лучше всего лечь спать пораньше – утро вечера мудренее.

Находящаяся под самой крышей спальня перегрелась от солнца, стоячий воротник жакета давил на горло, как удавка. Люси расстегнула и уронила на пол юбку, затем небрежно избавилась от жакета. Далее пришла очередь нижней юбки, корсета и сорочки. Обнаженное тело ощутило прохладу.

Керамическая раковина умывальника в углу комнаты была наполнена свежей водой. Люси схватила кусок мыла, яростно намылила мочалку и натерла оставленные Боудиккой царапины так, что они начали щипать. Ну и пусть – только инфекции под занавес утомительного дня не хватало! Люси принялась скрести мочалкой лицо, шею, плечи. Если бы можно было так же легко смыть непристойное предложение Тристана!

К несчастью, оно уже проникло под кожу. В мозгу продолжали вспыхивать образы: мышцы спины перекачиваются под подсвеченной огнем кожей, красивая рука движется вверх-вниз...

Люси опустила мочалку в раковину и всмотрелась в свое отражение в зеркале.

Сегодня Тристан обошелся с ней крайне непочтительно.

Хотя и ты была с ним не особо любезна...

Она наклонилась, сморгнув попавшее в глаза мыло. Носогубные складки и морщины между бровей делали ее похожей на столетнюю старуху.

Люси изучала себя, сузив зрачки.

Лицо, возможно, все еще довольно привлекательно.

Она отступила назад, чтобы в зеркало попали груди.

Тело вполне пригодно, не болеет и доставляет ее куда надо.

Однако как объект мужской страсти?..

Порой Люси невольно слышала комментарии насчет своей персоны, если их произносили достаточно громко. *На костях, которые бросают собакам, и то большие мяса... уложить такую в постель – все равно что дергать занозу... как думаешь, она будет дребезжать?* Такие разговоры ведут между собой мужчины, претендующие на галантность... Естественно, внешность женщины – легкая цель; даже самый тупоголовый стрелок попадет в нее. Люси это знала. Однако легче не становилось.

Люси коснулась своей ключицы. Она была твердой и легко прошупывалась под кожей, к которой никогда никто не прикасался – ни солнечные лучи, ни посторонние взгляды, ни рука мужчины.

Люси провела пальцем от ямочки на шее вниз, к груди. Кончик пальца оставил за собой ощущение покалывания, отчего волоски на руках приподнялись. Левая грудь напоминала невысокий бугорок. Кожа была мягкой, как лепесток цветка, и холодила костяшки пальцев. А вот размерчик не по моде...

Она обхватила себя руками и крепко стиснула. Как ощущается, если тебя обнимает кто-то другой?

Возможно, от этого одно разочарование, как от поцелуя. Одному молодому человеку из Общества юристов выпала честь сорвать ее первый поцелуй. Люси считала парня застенчивым простаком, однако после того, как событие свершилось, до нее дошли слухи, что он поспорил с Уайтом на пятьдесят фунтов, что отважится поцеловать «мегеру Тедбери», и выиграл. К счастью, все действие оказалось не столь волнующим, как надеялась Люси, – она чувствовала себя отстраненной от происходящего, да еще они и зубами стукнулись... так что жалеть не о чем.

А вот губы Тристана выглядят мягкими и чувственными. Уж он-то точно умеет целоваться.

По телу пронеслась обжигающая волна гнева. Если бы не очарование Баллентайна, Люси ни на секунду не задумалась бы над его *предложением*. Теперь она отчетливо понимала, что это худшее из оскорблений. Кроме того, Тристан поступил так не потому, что желал ее, а потому, что хотел спровоцировать. И ему, вероятно, понравилась идея заставить ее капитулировать, причем самым примитивным из всех возможных способов.

Люси медленно обвела взглядом «уксусные валентинки» по бокам от зеркала – остролистые суфражистки, убийственные стишки о женщинах, рискнувших бросить вызов обществу... Ей рассылали подобные вещи, пытаясь запугать в собственном доме. А она украшала ими свое святилище, свою спальню, заучивала наизусть, пока привычность не притупляла резкие фразы и не сглаживала уродство. Так Люси поступала и с противниками: она вызывала их на бой. И с Тристаном разберется.

Люси снова взглянула в глаза своему отражению. Да, она полна решимости! Если его светлость хочет войны, пусть готовится к обороне.

Глава 12

Часы только что пробили десять – слишком рано для аристократа, чтобы начинать одеваться, однако последние события вынудили Тристана мобилизовать быстро забываемые армейские привычки и встать вместе с рабочим людом. На столе в спальне как свидетельство бурной утренней деятельности высилась стопка официальных писем в Лондон и в Индию, уже запечатанных. Теперь Тристан внимательно наблюдал за своим камердинером, пока тот колдовал над рукавами его пиджака посредством щетки.

– Ави, – наконец промолвил Тристан, – ты ведь из Калькутты.

– Да, – подтвердил слуга.

– А теперь припомни все, что ты знаешь обо мне, о Калькутте и о Британии в целом, и скажи: как по-твоему, где одной леди из Британии и мне самому было бы приятнее жить – в Калькутте или в Дели?

Пару секунд щетка продолжала мелькать в руках молодого человека так же невозмутимо, как будто Тристан ничего и не говорил. Затем Ави поднял темные ресницы и произнес:

– Что касается леди, то ей было бы приятнее жить в Калькутте. А вот вашей светлости не подойдет ни то, ни другое. Вашей светлости больше подходит Хайдарабад.

– Верно. Хайдарабад... – ошеломленно кивнул Тристан. – Напиши мне список дамских вещей, которые потребуются английской графине для комфортной жизни в Калькутте. И составь другой список – семей, которые она сможет там посещать. А потом сделай то же самое для Дели. Списки мне понадобятся к следующему вторнику.

– Непременно. – Ави положил щетку на поднос и подхватил с него запонки с изумрудами.

– Не эти, – сказал Тристан. – Сегодня простые, на цепочке.

– Как пожелаете. Милорд, как я понял, вы планируете возвращение в Индию?

Ави упорно игнорировал установленное для прислуги правило – не заводить разговор первым; его придумали на случай приема гостей, но не для скучных утренних часов.

– Допустим. Как бы ты к этому отнесся? Говори откровенно. Ты будешь очень скучать по Англии?

На сей раз слуга ответил незамедлительно:

– Нет, милорд.

– Нет? – заинтригованно переспросил Тристан. – И почему же?

Ави посмотрел ему в глаза, продолжая не глядя закреплять тонкими пальцами левую манжету.

– Потому что климат здесь холодный, а еда пресная. А еще многие знакомые женщины, которых тоже привезли сюда в качестве прислуги, жалуются, что хозяева им мало платят. Я совсем не буду скучать по Англии.

Тристан фыркнул от удивления:

– Холодно, пресно, да еще и эксплуатируют. Ты меня восхищаешь, Ави. Между прямоотой и наглостью есть определенная граница. Нужно иметь определенное мужество, чтобы пересечь ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.